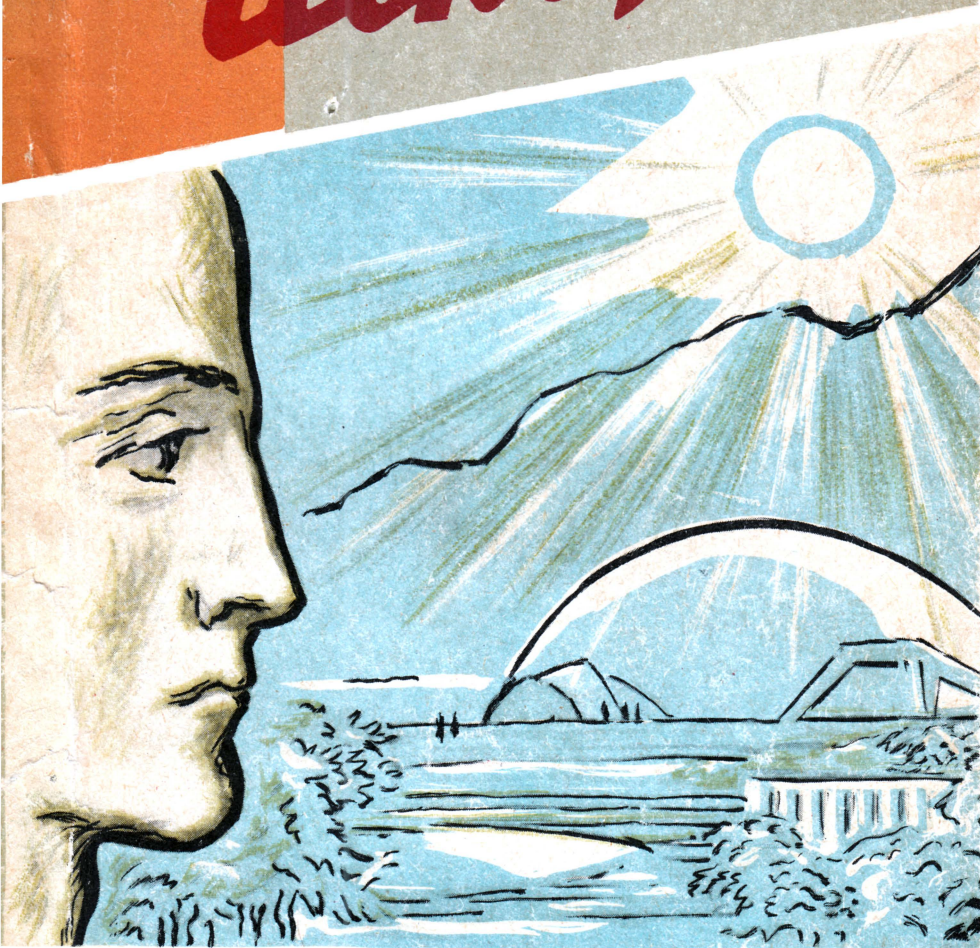

№ 2
1961

ЦСКАТЕЛЬ

**ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ВСТРЕЧА

ЧЕРЕЗ

ВЕКА

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ

Рисунки В. НЕМУХИНА

и В. ЧЕРНЕЦОВА

ПРОЛОГ

Во второй половине летнего дня в окрестностях Можайска по асфальтированной ленте шоссе мчался открытый автомобиль.

Рядом с шофером сидел пожилой мужчина. Легкое серое пальто, мягкая шляпа и очки в золотой оправе придавали ему вид иностранца-туриста.

— И никаких следов! — вдруг сказал он.

Шофер вопросительно повернул голову.

— Я говорю, что не вижу следов войны. В этих местах происходили гигантские бои.

— Прошло восемь лет, Михаил Петрович. Но следы есть. Вы их просто не замечаете.

Михаил Петрович Северский вздохнул.

— Да, — ответил он, — восемь лет! Для нашей страны это огромный срок. Совсем недавно я был в Лондоне. Там еще часто встречаются разрушенные дома. В окрестностях Парижа ясно видны следы не только второй, но даже первой мировой войны. А у нас уже ничего не видно. Далеко еще, товарищ Петров?

— Километров двенадцать, четырнадцать, — ответил шофер, — а там и городок У...

Машина быстро бежала по гладкой широкой магистрали.

Главы из романа. Печатаются с некоторыми сокращениями.

Прохладный ветер, огибая смотровое стекло, приятно щекотал лицо. Встречные машины проносились мимо, оставляя за собой легкие облачка пыли и отработанного бензина.

Солнце склонялось к западу.

— Поздно выехали, — сказал Северский. — Возвращаться придется в темноте.

— Вы долго пробудете там?

— Нет, не долго. Я еду на могилу. Хочу проститься с сестрой и другом перед долгой разлукой. Легко может случиться, что эта разлука навсегда.

— Ваша сестра и друг... — сочувственно сказал Петров. — Вы никогда не были на их могилах?

— Могила одна. Не был, товарищ Петров. Мою сестру похоронили во время войны. Ее повесили немцы. Ее муж, мой лучший друг, умер этой зимой. Мы оба были тогда во Франции. Его тело отправили на родину и похоронили рядом с женой... А я не мог покинуть Париж. Очень хотел, — прибавил Северский, — но не мог. Поэтому и на похоронах не был.

— А вашу сестру за что убили? Впрочем, фашисты часто вешали и без причины.

— Моя сестра была в партизанском отряде. Она врач по профессии. Тайно проникнув в город, она лечила трех раненых из местного подполья. Гестапо открыло ее убежище. Раненых тут же прикончили, а сестру схватили и подвергли пыткам, добываясь сведений о партизанском отряде. Ничего не добились... — Михаил Петрович помолчал, справляясь с волнением. — Правительством посмертно удостоило ее звания Героя Советского Союза, — закончил он. — А ее муж получил это высокое звание при жизни.

Петров даже затормозил машину. С выражением удивления и восторга на молодом, свежем лице он воскликнул:

— Какие люди! Вы должны гордиться, Михаил Петрович!

Северский улыбнулся.

— Ими горжусь не только я. — После нескольких минут молчания Северский вдруг прибавил: — Уцелел в огне войны, где он не щадил себя, мой друг едва не сгорел после смерти.

— То есть как это?

— Да, представьте себе, произошел такой случай. В тот день, когда тело было положено в гроб, а гроб запаян, в комнате возник пожар. Его не сразу заметили. Свинец мог расплавиться, но, к счастью, этого не произошло.

Петров замедлил ход, машина шла по улицам города. На перекрестке она остановилась. Шофер вышел и поговорил с постовым милиционером.

— Тут три минуты ходу, — сказал он, садясь на свое место. — Сейчас повернем налево, и в конце улицы будет парк. Эту могилу, по-видимому, хорошо знают в городе.

Михаил Петрович ничего не ответил шоферу. Он сильно волновался. Сейчас он будет на месте, где вечным сном спят самые дорогие ему люди. Как живые, они предстали перед его мысленным взором. Милое лицо Ирины с большими темными глазами и массой белокурых волос над чистым лбом, а рядом такие же темные, почти черные, глаза, тонкие черты и узкие, твердо сжатые губы Дмитрия.

Машина остановилась.

Широкая аллея уходила в глубину парка. Вдали виднелся белый обелиск.

Северский и шофер взяли венки из живых цветов и пошли по аллее.

Низкая чугунная решетка окружала могилу, покрытую цветами. Масса венков, старых и совсем свежих, говорила о том, что жители города чтят память героев. Несколько пионерских галстуков, завязанных на ограде, молчаливо напоминали об экскурсиях школьников.

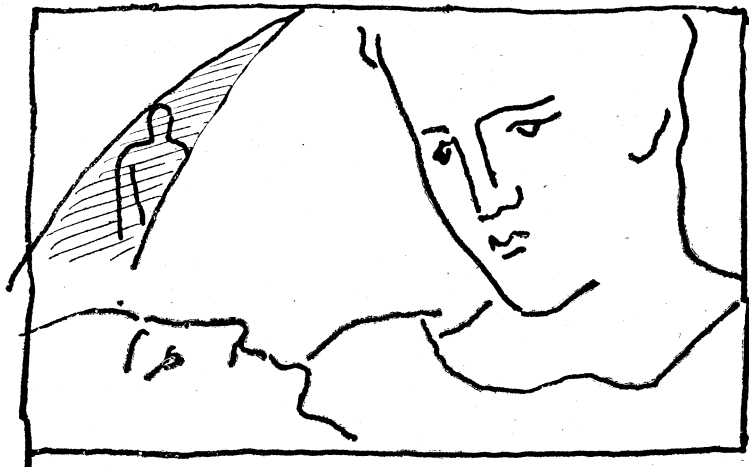
На белом мраморе обелиска, под золотой звездой, была выбита золотыми буквами надпись:

Герои Советского Союза

Дмитрий Александрович и Ирина Петровна

ВОЛГИНЫ

Петров и Северский обнажили головы. Несколько минут они молча стояли, держа венки в руках. Потом Северский, осторожно перешагнув через ограду, положил венки у подножия обелиска.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Сознание медленно возвращалось.

Смутные, расплывчатые образы возникали и исчезали, не оставляя никаких следов в памяти. Мозг работал короткими, отрывистыми толчками, поминутно погружаясь в небытие.

Эти мимолетные проблески нельзя было даже назвать мыслями. Это были едва намеченные ощущения, отдаленный намек на деятельность человеческого мозга.

Потом периоды мышления стали все более и более продолжительными. Туманные образы, в которых раньше не было почти никакого содержания, начали принимать реальную форму.

И настал момент, когда он понял, что просыпается от глубокого сна.

Но он все еще не сознавал себя. Его глаза сквозь закрытые веки не воспринимали ни единого луча света. В ушах стояла полная тишина. Он не ощущал своего тела и не чувствовал температуры окружающего воздуха. Время не существовало для него. Память не подсказывала ему никаких воспоминаний. Он жил неясным, полубессознательным восприятием настоящей секунды, да и то только в те мгновения, когда к нему возвращалось неокрепшее сознание.

Но вот в его мозгу постепенно начали складываться все более сложные представления. И очень медленно стали возникать физические ощущения. Он смутно почувствовал свою голову, одну только голову, независимую от всего остального тела.

И внезапно слабый звук проник в его уши, привыкшие к тишине. Бессознательно он попытался прислушаться к этому звуку, но тотчас же опять впал в беспамятство.

Когда он почувствовал, что снова думает, он вспомнил, что звук был. На этот раз он отчетливо сознавал, что прислушивается, но ничего не услышал. Его слабая мысль сосредоточилась на слышанном звуке.

Если бы он мог рассуждать, то понял бы, что его память первые удержала в мозгу какое-то воспоминание. До этого все внешние впечатления или проходили совсем незамеченными, или воспринимались на мгновение и бесследно исчезали. Звук был первым воздействием на его сознание внешней среды, которое не исчезло и не забылось.

Он помнил только самый факт звука, а не его характер. Был ли это скрип двери, человеческий голос или стук от падения какого-нибудь предмета, он не знал.

Долгое время никакие другие впечатления не затрагивали его. Но каждый раз, приходя в сознание, он вспоминал о звуке. Воспоминание о слышанном звуке было единственным проявлением деятельности его мозга.

Но раз пробудившаяся способность мышления медленно и неуклонно усиливалась. Настало, наконец, время, когда он почти совсем сознательно попытался вспомнить, какой именно звук он тогда слышал.

Бесплодность этой попытки вызвала слабое чувство раздражения. Но его мозг как будто только и ждал этого. Сознание сразу сделало резкий скачок. И одновременно он ощутил, что у него, кроме головы, есть тело, руки и ноги, что он лежит и что его глаза закрыты. Ему захотелось открыть их, но он не смог. Усилие поднять веки причинило боль. Но и болезненное ощущение немедленно послужило толчком к еще большему пробуждению его чувств. Так повторялось много раз.

Незаметно для него месяц шел за месяцем.

Со стороны он казался мертвым. Чуть теплившаяся глубоко внутри, жизнь ничем не проявлялась внешне. Но невидимо для тех, кто мог находиться рядом, хотя и крайне медленно, жизнь возвращалась к нему.

И однажды после очередной неудачной попытки пошевелиться он подумал: «Что со мной происходит?» — и тут же понял, что это его первая, совершенно отчетливая мысль.

Ему казалось, что он окончательно проснулся. Но это было совсем не так. Он не замечал длительных периодов бессознательного состояния, в которые часто впадал. Его мысль возобновляла работу с того места, на котором прерывалась, и он, не замечая перерывов, считал, что думает бесперывно.

Когда он окончательно убедился, что не может пошевелиться, его охватило смутное чувство страха.

«Что же это такое? — уже вполне отчетливо думал он. — Полный паралич или последние ощущения перед смертью?»

Но он понимал, что его мысли становятся все яснее и яснее. Если бы приближалась смерть, должно было происходить наоборот — мысль постепенно бы затухала. Значит, это паралич! У него осталась только способность мыслить и слышать.

Во время «бодрствования» он прислушивался, стараясь уловить хоть малейший шорох, но его окружала абсолютная тишина.

Сейчас кругом тихо, но какой-то звук был!

Все же однажды мелькнуло сомнение: «Может быть, мне все-таки показалось, что я что-то слышал?»

И тотчас же возникло чувство страха и как результат этого — новое возбуждение мозга.

Сам того не сознавая, он своими страхами, тревогами и смутными волнениями помогал мозгу просыпаться.

Его мысль работала теперь почти так же отчетливо и ясно, как у обыкновенного здорового человека. Но по-прежнему он часто впадал в длительное беспамятство, не замечая этого.

И однажды он вновь услышал какие-то звуки. Это наполнило его чувством огромной радости. Ему захотелось задержать дыхание, чтобы лучше слышать.

И тут он понял, что... не дышит. Грудь не шевелилась. Это невероятное открытие привело его в смятение. Ведь он жив! Он слышит, чувствует и думает! Как это может происходить, если у него нет дыхания? Может быть, он спит и видит все это во сне?

Он вспомнил, что, пытаясь открыть глаза, почувствовал боль, и тотчас же повторил свою попытку. Снова ощутил боль. Значит, он не спит, во сне боль не чувствуется. Все это происходит с ним в действительности.

Но тогда что же это означает?!

Он вспомнил про слышанные им звуки. Он ясно слышал и на этот раз отчетливо распознал шаги человека.

Кто-то подошел и остановился совсем рядом. Послышалось восклицание, и шаги стали быстро удаляться. Снова наступила полная тишина. Но он не испугался, а почувствовал облегчение. Он не один. Вокруг него есть люди, и они вернутся.

Способность мыслить возвращалась к нему чрезвычайно быстро. Его мозг как бы разрастался, рождались все новые и новые мысли. Постепенно просыпалась память.

Настал момент, когда он, не удивившись и даже не заметив, как это случилось, вспомнил все, что было с ним до того, как он впервые потерял сознание.

Но где он? Дома или в больнице?

Мучительно хотелось открыть глаза, но все попытки не приводили ни к чему и только причиняли резкую боль.

Его тело по-прежнему было совершенно неподвижно, но теперь он уже чувствовал, что левая нога у него забинтована от бедра до колена. Такую же повязку он ощутил на

правой руке от плеча до локтя и на шее. Его голова лежала на одном уровне с телом. Он чувствовал, что ничем не укрыт.

Мелькнула мысль об операционной, но под ним было упругое ложе, не похожее на поверхность стола.

Неокрепший мозг устал от всех этих мыслей и впечатлений, и его стало клонить ко сну, обычному здоровому сну, а не в забытьи, как это было все последнее время.

И он уже настолько «проснулся», что ясно ощутил эту разницу и обрадовался ей.

Сквозь дымку, заволакивающую мозг, он слышал, как кто-то снова подошел к нему, почувствовал чье-то дыхание на своем лице, но не очнулся...

Острая боль пронизала тело. Он успел понять, что в него проникает сильный ток, и потерял сознание.

Сколько прошло времени, он не знал. А когда очнулся (это произошло сразу, как от толчка), то мгновенно вспомнил все, что случилось с ним до того, как он заснул. Опасения, страхи и неопределенное волнение вернулись к нему.

Но в следующее мгновение все исчезло, когда он понял, что сильное и ровное дыхание поднимает его грудь.

Он ДЫШАЛ!

Может быть, вернулась и способность двигаться? Попробовав пошевелить рукой, он убедился, что нет — двигаться по-прежнему не в силах. Но это его не особенно огорчило. Все чувства сосредоточились на дыхании.

Воздух, проникавший в легкие, доставлял ему острое чувство, блаженство.

Его мысль еще работала слабо, и он не задумался над тем, почему испытывает такое наслаждение от простого дыхания, которого прежде никогда не замечал. Он боялся, что дыхание может снова исчезнуть. Но минуты шли за минутами, а ничто не изменялось: воздух глубоко входил в легкие и выходил обратно. Вдох, выдох! Вдох, выдох!

Когда чувство блаженства, доставляемое воздухом, несколько притупилось, он заметил, что, пока он спал, в его положении произошла перемена. Голова лежала теперь на мягкой подушке. Он был укрыт, его руки лежали поверх одеяла. Винты были сняты.

Все эти перемены, по-видимому связанные с тем, что он окончательно пришел в сознание, успокоили его. Больше он ничего не боялся и решил терпеливо ждать, пока кто-нибудь придет.

Но ни один, даже самый слабый, звук не нарушал тишины, и он ясно слышал биение собственного сердца.

Так проходили часы, дни, недели, месяцы...

Его мысли были теперь настолько ясны, что он мог в подробностях вспоминать обстоятельства, при которых впервые потерял сознание, и пытаться уяснить себе, где он находится.

Этот вопрос занимал его больше всех других, а их было немало. Он считал его ключом ко всем остальным, но ответа, хоть немного правдоподобного, получить не мог.

Однажды он подумал, что можно по запаху определить, дома он или в больнице, но воздух был очень чист, и никакого, даже слабого, запаха он не почувствовал.

Часы бодрствования проходили в этом состоянии беспомощной неподвижности. Он не смог бы определить, сколько вообще времени провел в полном одиночестве, предоставленный своим беспокойным мыслям.

Сон его всегда был чрезвычайно глубок, настолько, что он ни разу не слышал, как входили люди, как с его неподвижным телом производили различные, неведомые ему процедуры. Ни разу он не проснулся при этом. Но с каждым днем он чувствовал себя все лучше и лучше. Если бы не тягостная неподвижность, он мог бы считать, что совершенно здоров, более здоров, чем когда-либо раньше. Его тело ощутимо для него наливалось жизнью, энергией и силой.

И вот однажды, когда навязчивый вопрос: где он находится? — вновь завладел его мыслями, он почувствовал внезапно раздражение, попытался пошевелиться и совершенно неожиданно... открыл глаза.

В первое мгновение он даже не осознал, что случилось, но в следующее понял, и его охватила бурная радость.

Ничего увидеть он не успел, свет причинил ему боль, но одно сознание, что он может видеть, может по своему желанию открывать и закрывать глаза, было для него, так долго лежавшего в полной темноте, огромной, ни с чем не сравнимой радостью.

Сначала свет показался ему слишком ярким, но он заставил себя долго смотреть сквозь узкую щелочку век. Затем он раздвинул веки чуть пошире.

Наконец, когда он решил, что глаза достаточно привыкли к свету, он позволил себе полностью открыть их.

То, что он увидел, наполнило его чувством величайшего удивления.

2

Он лежал на чем-то напоминавшем большой диван. Необычное ложе стояло на самой середине огромной, высокой... комнаты? Нет, это совсем не комната.

Словно гигантский темно-голубой мяч разрезали пополам и одну половинку положили на землю, чтобы она изобразила собой потолок и стены. Сферическая поверхность купола казалась выточенной из одного куска неизвестного материала, который очень походил на металл, но был лишен характерного металлического блеска.

Пол, того же темно-голубого цвета, был гладкий, но не блестел и, по-видимому, не отражал в себе купола.

Никаких следов окон или дверей! За исключением его ложа, никакой другой обстановки, комната совершенно пуста!

Широко открыв глаза, человек смотрел на удивительную картину, отказываясь понимать, где он находится.

В помещении было мягкое, приятное освещение, но откуда оно исходило — непонятно. И пол и купол были осве-

щены совершенно равномерно, как будто они сами излучали свет.

Его изумление возросло еще больше, когда он посмотрел на то, что принимал раньше за одеяло. Это было широкое покрывало темно-синего цвета. Мягкими складками оно закрывало его до середины груди. Подушка, поверхность ложа, которую он мог видеть у своих плеч, тоже были синими.

Вид голых своих рук вызвал поток новых мыслей. Он помнил, как сильно исхудал за последнее время. Но от этой худобы не осталось и следа. Руки были, как у здорового человека, и покрыты ровным коричневым загаром, которого раньше не было.

Но если болезнь, едва не сведшая его в могилу, каким-то непонятным образом сменилась цветущим здоровьем, то почему же он не может двигаться?

Удивление незаметно сменилось тревогой. Почему так долго оставляют его одного? Люди, кто бы они ни были, не могли не понимать, что обстановка этого «павильона» (он обрадовался удачно найденному названию) непонятна больному и должна волновать его. Если его лечат, а это безусловно так, то врачи не могут пренебрегать спокойствием своего пациента. Они должны прийти, и как можно скорее.

Неподвижность тела становилась мучительной.

Ему страстно захотелось крикнуть, позвать кого-нибудь, но все усилия привели только к тому, что удалось издать едва слышный звук.

Но даже этот ничтожный результат обрадовал его почти так же, как возвращение дыхания, как способность видеть. Ведь до сих пор все попытки воспроизвести звук неизменно заканчивались неудачей.

Стало ясно: сегодня к нему вернулось зрение, завтра вернется речь.

На этот раз он долго находился в сознании. С возрастающим недоумением рассматривал странное помещение.

Очень скоро он убедился, что купол действительно светится. По гладкой, словно покрытой тонким слоем стекла, поверхности «потолка» и «стен» пробегали искрящиеся точки или едва заметные туманные полосы. Один раз, когда почти в центре купола вспыхнула особенно яркая точка, он увидел на полу ее отражение. Глаза, только что получившие способность снова видеть, устали и начали болеть. Он закрыл их.

Где он находится?

Снова этот вопрос, так часто занимавший его мысли до того, как глаза открылись, стоял перед ним и казался самым важным из всех. И хотя он увидел, наконец, окружающее, это не внесло ясности, а, наоборот, запутало все еще больше.

Павильон был так странен, так не похож на что-либо виденное раньше, что невольно явились мысли о сновидении, о галлюцинации мозга, расстроенного болезнью.

Он даже обрадовался этому «объяснению» и поспешно открыл глаза, почти уверенный, что не увидит больше фантастического и непонятого купола...

Но его по-прежнему окружало голубое сияние геометрически правильной сферической поверхности «потолка».

Не сон, не галлюцинация, а реальная действительность! «Все же, — почему-то подумал он, — двери должны быть. Ведь кто-то входил ко мне. Вероятно, они находятся позади меня, там, куда взглянуть я не могу».

Он нетерпеливо прислушивался, ожидая шагов, которые однажды уже слышал. Но все было тихо, так тихо, что удары взволнованного сердца казались ему громкими, как удары маятника больших настенных часов, висевших в квартире с тех пор, как он себя помнил, и равномерный перестук которых был неразрывно связан для него с воспоминаниями детства.

Никто не приходил.

Время шло, не внося никаких перемен. Много раз он засыпал и снова просыпался. Ему казалось, что прошли уже месяцы с того момента, как, открыв глаза, он впервые увидел это помещение.

Ничто не менялось, и постепенно его начало охватывать отчаяние. Сколько еще предстояло ожидать вот так, в полном одиночестве, в мучительной неподвижности?

Должны же, наконец, прийти люди, принести ему хотя бы пищу? Но, вероятно, они приходили во время его сна.

«Как же меня кормят, — подумал он, — если я не могу пошевелить губами? Наверное, они применяют какое-нибудь искусственное питание».

«Я ни за что не засну больше, — решил он однажды. — Дождись прихода людей. Во что бы то ни стало».

В этот раз он долго боролся со сном, но в конце концов все же заснул, так никого и не дождавшись.

Открыв глаза, он увидел то же помещение, но тотчас же понял, что произошла разительная перемена.

Пол и купол, бывшие столько времени темно-голубыми, стали неизвестно каким образом молочно-белыми, и в павильоне стало гораздо светлее. Мало того, синее покрывало, под которым он лежал, и синяя подушка были теперь белыми. И такого же цвета стало его ложе. Только его тело оставалось прежним — золотисто-коричневым.

Он не успел еще до конца осознать происшедшую перемену, как услышал слабый, но совершенно отчетливый звук, точно где-то далеко прозвенел звонок.

И он сразу узнал этот звук, тот самый, который он слышал, когда лежал еще с закрытыми глазами, звук, вернувший ему ощущение жизни и характер которого он тщательно старался понять. Это был тот же звук, за которым во второй раз раздались шаги человека.

Наконец-то! Сейчас он все узнает!

И вот прямо перед ним нижняя часть купола внезапно раздвинулась, образовав узкую щель. В помещение кто-то вошел. Стена тотчас же сомкнулась за ним, но в глаза лежавшего человека успел ударить яркий свет оттуда, из-за пределов купола, служившего для него границей внешнего мира. Этот свет был так ярок, так ослепителен, что глаза сами собой закрылись.

И снова, как в давно прошедший день, он услышал приближающиеся шаги. Совсем так же, как тогда!

Но на этот раз он не потеряет сознания!

Он открыл глаза.

Вошедший стоял в двух шагах от ложа.

В одно мгновение лежавший человек успел рассмотреть своего гостя (вернее сказать — хозяина) с головы до ног.

И вместо облегчения от того, что исполнилось его желание и к нему пришел, наконец, другой человек, он ощутил вдруг страшную тревогу.

Во всем облике вошедшего, в каждой черте его лица и фигуры, в каждой подробности необычной одежды лежавший увидел чужое. Он сразу всем существом почувствовал, что незнакомец, внешне похожий на людей, имеющий все признаки обычного человека, не имеет с ним самим ничего общего, что они совершенно различны, как должны быть различны жители разных планет.

Вошедший был очень высокого роста, с могучей фигурой атлета.

Загорелое лицо его обладало настолько правильными и красивыми чертами, что казалось, будто это лицо статуи, а не обычного живого человека.

Волосы были коротко острижены. Подбородок и верхняя губа гладко выбриты, или на них вообще не росли волосы.

Удивительнее всего была одежда. Она напоминала костюм европейца в тропиках и была сшита, по-видимому, из тонкой и легкой светло-коричневой ткани. Рубашка без рукавов и воротника открывала шею и сильные руки. Очень широкий пояс плотно стягивал талию. Брюки кончались значительно выше колен и спадали мягкими складками.

Этот причудливый наряд странным образом гармонировал с мощной фигурой необыкновенного человека. Трудно было представить его одетым иначе. Каждое движение вошедшего чем-то неуловимым отличалось от движений обычных людей. Его движения — гибкие и точные — напоминали движения дикого зверя и одновременно были изящны, как движения гимнаста.

Все это лежавший увидел и успел обдумать за одну, много две секунды. В такие мгновения мозг работает с необычайной быстротой и точностью.

Вошедший человек, увидя закрытые глаза больного, нерешительно остановился. Когда же глаза больного открылись, он, радостно вскрикнув, стремительно подошел и наклонился над ложем.

Его загорелое лицо слегка побледнело, губы задрожали.

Почти с минуту он пристально всматривался в глаза лежавшего. В этих глазах, темных и глубоких, застыл немой вопрос.

Вошедший понял его.

Он наклонился еще ниже и неожиданно для лежавшего, который никак не ожидал этого от странного человека, не похожего на обычных людей, спросил на русском языке, но с каким-то неизвестным больному акцентом:

— Вы меня видите?

Губы больного дрогнули, раздался едва слышный звук.

— Вы меня слышите, но не можете ответить? — В голове вошедшего звучало огромное напряжение. — Но вы можете шевелить веками глаз. Закройте глаза, если вы видите меня.

Веки больного на мгновение сомкнулись.

Вошедший выпрямился. Его лицо побледнело еще больше, кисти рук судорожно сжались, словно он старался сдержать нарастающее волнение. Минуты две он тяжело дышал. Потом, видимо успокоившись немного, вновь склонился над больным.

— Я задам вам несколько вопросов, — сказал он. Даже звук голоса его отличался от голосов всех людей, которых приходилось слышать больному. — Вы будете отвечать мне глазами. Если вы захотите сказать «да», то мигните один раз, а если «нет», то мигните два раза. Вы меня хорошо поняли?

— Да, — ответили глаза.

— Ваше зрение вполне нормально?

— Да.

— Можете ли вы шевелить языком?

— Нет.

— Можете ли вы пошевелить рукой?

— Нет.

— Чувствуете ли вы где-нибудь боль?

— Нет.

— Испытываете ли вы голод?

— Нет.

— Удобно ли вам лежать?

— Да.

Наступила небольшая пауза. Вошедший человек сдвинул брови и задумался. Лежавший смотрел на него, ожидая других вопросов, а еще больше объяснений. Его сильно мучила невозможность самому задать вопрос.

— Вернулась ли к вам память? — снова спросил незнакомец, как и раньше наклонившись над ложем, будто не доверяя слуху больного. — Помните ли вы свою жизнь?

— Да.

— Вполне отчетливо?

— Да.

— Понимаете ли вы, где находитесь?

Наконец-то задан нужный вопрос, которого с таким нетерпением ожидал больной.

— Нет... нет... нет! — Быстрое мигание глаз было более чем красноречиво.

Казалось, шошедший ждал этого ответа и свой вопрос задал намеренно.

— Вы не понимаете, где и зачем находитесь, — сказал он. — Вы хотите знать это?

— Да.

— Вы это узнаете, но только не сейчас, а немного позже. Вы у друзей. Они любят вас и ждут, когда вы придете к ним. Потерпите еще немного, и все станет для вас ясно. Не бойтесь теперь ничего. Не думайте о странных явлениях, которые происходили с вами и могут еще произойти. Все получит объяснение со временем. Вы видите и слышите, ваша память вернулась к вам, но ваш мозг еще не избавился полностью от последствий... бессознательного состояния. Поэтому вы еще не можете двигаться. Но это продлится недолго. Мы не думали, что так произойдет, и я очень жалею, что сознание вернулось раньше, чем закончился процесс вашего лечения. Это создаст для вас некоторые неудобства, но, к сожалению, тут ничего нельзя сделать. Вы быстро поправляетесь и, пройдет немного времени, будете совсем здоровы. Вы поняли все, что я сказал?

— Да.

— Сейчас я уйду от вас. Нельзя надолго прекращать процесс лечения, а когда я здесь, приходится его останавливать. То, что полезно для вас, вредно для меня. Мы лечим вас сейчас излучением. Не смущайтесь тем, что цвет стен и пола меняется. Это происходит потому, что меняются применяемые нами электромагнитные волны. Было бы лучше всего, если бы вы заснули. Когда пройдет назначенное время, я снова приду к вам. — Его большая рука с необычайно длинными, тонкими и гибкими пальцами ласково коснулась плеча больного. — Теперь вы спокойны?

Как хотелось больному ответить, что нет, он не спокоен и не может быть спокоен, пока не узнает, что означает это странное помещение и не менее странный его хозяин!

— Да, я спокоен, — ответили глаза.

— Прощайте на короткое время.

Он улынулся (блеснула безукоризненная линия зубов), погладил руку больного и медленно направился к стене. Казалось, ему очень не хотелось уходить так скоро. И действительно, пройдя всего несколько шагов, он остановился, словно в нерешительности, потом резко обернулся.

— У меня есть к вам один вопрос, — сказал он, явно волнуясь. — Очень важный для всех нас. Мне не хотелось бы откладывать его выяснение. Если память полностью вернулась к вам, то помните ли вы ваше имя?

«Ну, конечно», — хотелось ответить больному, но он смог только медленно закрыть глаза.

— Да.

— У нас есть предположение... вся планета ждет решения этой загадки. — Он замолчал, потом медленно и раздельно произнес: — Дмитрий Волгин.

Глаза больного ответили:

— Да.

С каждым днем выздоровление шло все более и более быстро. Каждый день в теле Дмитрия Волгина происходили ощутимые перемены. Он мог уже свободно двигать руками и головой, он мог уже произносить слова достаточно ясно, чтобы быть понятым.

Но все еще приходилось лежать почти неподвижно. Физические отправления организма не действовали. И Дмитрия еще ничем не кормили, но голода и жажды он не чувствовал.

Несколько раз ему делали вливания какой-то светлой жидкости, по-видимому питательного раствора, и он замечал, что крепнет и полнеет. Ухаживавшие за ним люди не ожидали теперь, пока Волгин заснет, а входили к нему во время бодрствования. Они производили над его телом разнообразные и совершенно непонятные процедуры, которые всегда были кратковременны и совершенно безболезненны.

Большую часть времени Волгин лежал один, предоставленный действию света, который медленно и постепенно переходил из тона в тон, из одного цвета в другой.

Ему было очень скучно. Приходилось неподвижно лежать и думать. На его просьбу дать ему книгу последовал ответ, что это пока совершенно невозможно.

Все, что происходило с ним с момента, когда он очнулся от беспамятства, продолжало оставаться для Волгина загадкой. Разговоры с человеком, которого он первым увидел, были кратки и редки.

Волгин уже знал, что этого человека зовут Люций. Это удивительное имя, напоминавшее древний Рим, поразило Волгина, да и другие люди, которых он видел, носили не менее странные имена. Одного из них звали Цезий, другого Ио¹. Но рядом с ним находились двое молодых людей с обычными, хорошо известными Волгину именами — Сергей и Владилен.

На вопрос об их национальности Люций с улыбкой ответил, что они все русские, но они говорили между собой на языке, который Волгин понимал с большим трудом. В основе это был, безусловно, русский язык, но почти половина слов была ему незнакома, хотя он и улавливал отдельные созвучия других, известных ему, языков.

Один только Люций говорил с ним на обычном русском языке, но с заметным акцентом, происхождение которого Волгин никак не мог понять.

Волгин с недоумением спрашивал себя, откуда явились эти гиганты? Где они были до сих пор, если он, Волгин, не только не встречался с ними, но и не слышал о них? Здесь таилась неразрешимая загадка, поскольку Люций явно уклонялся от каких бы то ни было объяснений. Создавалось впечатление, что он просто-напросто боится вопросов Волгина. Но чего ему было бояться?

¹ Цезий — серебристо-белый, мягкий металл; Ио — название спутника планеты Юпитера. Люций — также название редкого металла.

За исключением Ио, все окружающие Волгина люди были, по-видимому, молоды, но когда Волгин спросил как-то, сколько им лет, Люций ответил лишь, что они не так молоды, как выглядят.

Ио, еще крепкий, полный сил старик, был, по-видимому, известный врач, потому что, когда он осматривал Волгина, Люций и все остальные с большим вниманием и очевидным уважением прислушивались к его словам. Но все же главным врачом Волгина был Люций.

Постепенно Волгин привыкал к необычайному внешнему виду и странным одеяниям этих загадочных людей, и вид их уже не вызывал в нем любопытства. Волгина удивляло, что они не употребляли привычного обращения «товарищ», а называли друг друга по имени, а его самого Дмитрием. Отчества они также не упоминали.

Один раз Волгин спросил Люция, как его фамилия, но тот как будто растерялся от этого простого вопроса и ничего не ответил.

Отсутствие в их лексиконе слова «товарищ» беспокоило Волгина, и он прямо спросил Люция, почему они не употребляют этого обращения, если они русские?

Вопрос явно застал Люция врасплох, потому что он задумался, прежде чем ответить.

— Мы все, — сказал он наконец, — близкие друзья и поэтому называем друг друга прямо по имени. Вас мы тоже любим, как родного нам человека.

Из вежливости Волгин сделал вид, что поверил, и только спросил, в какой стране он находится. Люций ответил, что в Советском Союзе, но Волгин заметил, как нахмурившись в это время в павильоне Владилена с любопытством оглянулся, услышав эти слова.

Все это было достаточно странно, чтобы не возбудить тревоги.

Вскоре произошел еще более странный разговор.

— Значит, меня вывезли из Парижа? — спросил Волгин, когда Люций как-то пришел к нему один. — Неужели я так долго находился в бессознательном состоянии, что даже не заметил переезда?

Он видел, что Люций в замешательстве.

— Вы очень долго не приходили в сознание, несмотря на все принятые меры, — ответил он.

— Где теперь находится мой друг и сослуживец Михаил Петрович Северский? — спросил Волгин.

— Михаил...

— Петрович, — закончил Волгин, — Северский. Работник Министерства иностранных дел СССР, секретарь нашего посольства во Франции.

— Его здесь нет, — ответил Люций.

Он внезапно заторопился и сказал, что необходимо возобновить излучение.

Оставшись один, Волгин глубоко задумался. Ответы Люция, его замешательство, поспешность, с которой он прекратил разговор, — все это свидетельствовало, что во-

просы Волгина были для него неожиданны. Люций, очевидно, понятия не имел, кто такой Северский, и это было странным. Не мог же Михаил не интересоваться здоровьем Волгина, куда бы его ни направили для излечения.

В последующие дни Волгин не задавал никаких вопросов. В глазах Люция он видел напряженное ожидание и даже страх.

Волгин понимал, что пробуждение ото сна, в который погрузила его болезнь (может быть, это было беспамятство, а не сон), окружено тайной, которую хотят скрыть от него. Несомненно, на это были серьезные причины, и хотя он не знал, что это за причины, но решил подчиниться людям, так успешно лечившим его, спасшим ему жизнь.

В долгие часы одиночества Волгин старался свести воедино разрозненные звенья этой таинственной цепи событий, прошедших перед ним за время пребывания в куполообразном павильоне, но ничего связного и хоть отчасти правдоподобного придумать не мог.

Особенно часто мысль Волгина останавливалась на загадочной фразе, которую Люций произнес во время их первого разговора. Он хорошо запомнил эту фразу:

«У нас есть предположение... вся планета ждет разрешения этой загадки».

Что могли означать эти слова? Какая планета? Очевидно, Земля! Не мог же Волгин попасть на другую?!

Он до того запутался в своих догадках, что начал допускать и такую возможность. Однажды, когда перед его ложем поставили для очередной непонятной процедуры какой-то прибор или машину совсем уже диковинного вида, Дмитрий под видом шутки задал этот вопрос.

Люций явно не понял шутки и серьезно ответил:

— На Земле.

Он сказал это таким тоном, как будто считал вопрос Волгина вполне естественным.

«Вся планета ждет разрешения этой загадки...» Загадки его имени? Чем вызвано такое исключительное внимание всей Земли к нему, Волгину?

Как-то он вспомнил, что читал роман Уэллса «Когда спящий проснется», где описывалось, как человек, заснув на два или три века, проснулся властелином Земли, владельцем всего, что на ней было. Герой романа находился в летаргическом сне.

Может быть, и с ним, Волгиным, произошло подобное?

И тотчас же откуда-то издалека всплыло воспоминание. Волгин спросил как-то у парижского профессора, что такое летаргия и как долго она может продолжаться. Профессор ответил, что летаргический сон не может тянуться долго и переходит в смерть, если не наступает пробуждения.

А «летаргия» Волгина, если действительно это летаргия, была очень длительной. Иначе оставались необъяснимыми поразительные перемены в окружающем, начиная с внешнего вида людей, их одежды, непонятного «русского

языка» и кончая архитектурой павильона и способами, которыми Дмитрия лечили. Это совсем иной мир.

Но что же это за мир?..

Прошло несколько недель.

В круглом павильоне, где лежал Волгин, не было смены дня и ночи. В нем всегда было ровное, меняющее свой цвет освещение.

Физически Волгин чувствовал себя превосходно. От болезни, которая едва не свела его в могилу, не осталось почти никакого следа, если не считать естественных, как говорил Люций, последствий, еще не ликвидированных. Больше всего изумляло Волгина, что его больное сердце стало, по-видимому, совершенно здоровым.

Способность двигаться полностью вернулась. Волгин мог вставать и ходить, но ему разрешали это только в те короткие периоды, когда цвет стен, а с ними и ложа, становился белым. Это означало, что они больше не облучаются. И именно в это время к Волгину входили люди.

Когда освещение, или, как называл его Люций, «излучение», действовало, приходилось лежать под странным покрывалом, которое меняло свой цвет в точном взаимодействии с цветом купола. Волгин знал от Люция, что это покрывало предназначено для того, чтобы не пропускать излучения к тем частям тела, которые не должны были подвергаться его действию. Волгину объяснили, что если он встанет в это время, то причинит себе большой вред, который может свести на нет все, что уже достигнуто.

Но Волгин не мог бы этого сделать, даже если бы очень захотел, так как за ним непрерывно наблюдали. Он убедился в этом, когда однажды, желая переменить позу, сделал неосторожное движение, и покрывало соскользнуло с его плеч. Темно-зеленый цвет купола мгновенно сменился белым. Вошел Владилен и заботливо поправил покрывало.

Все находившиеся возле Волгина («персонал клиники», как он мысленно называл их) относились к нему заботливо. Казалось, им доставляло удовольствие погладить его волосы или плечи. Волгин иногда думал, что они смотрят на него так, как смотрят в семье на больного любимого ребенка.

Однажды Волгин сказал это Люцию.

— Вы правы, — ответил его врач. — Вы наш ребенок. А я могу считать себя отцом.

Это было сказано с такой любовью и так серьезно, что не показалось Волгину ни смешным, ни претенциозным. Он почему-то сразу поверил, что Люций имеет право так говорить.

С момента, когда к нему впервые вошел Люций и состоялось их знакомство, по расчету Волгина прошло около четырех месяцев. И вот совершенно неожиданно, без всякого предупреждения наступил конец «заключению».

В этот день, проснувшись после крепкого здорового сна, Волгин увидел, что произошла необычайная перемена.

Он находился в том же павильоне — купол его в тот момент был красивого золотистого цвета, — но лежал не на середине, как всегда, а у стены. Странное покрывало и подушка, самое ложе, на котором он так долго изнывал от скуки, исчезли.

Низкая широкая кровать была застлана белыми шелковыми простынями, цвет которых совсем не соответствовал цвету купола. Такая же белая подушка находилась под его головой. Он был покрыт тонким пушистым одеялом серебристого цвета.

В изголовье стоял столик, сделанный, как показалось Волгину, из слоновой кости или материала, очень похожего на нее. На столике, покрытом голубой салфеткой, стоял хрустальный сосуд с букетом живых цветов. С удивлением он заметил среди них несколько очень красивых, но совершенно ему незнакомых.

«Я в какой-то далекой, вероятнее всего — южной, стране», — подумал он.

Рядом с кроватью — кресло, на нем разложено белье и аккуратно повешен на спинку серый костюм того же покроя, что и у Люция. На коврик — замшевые туфли.

Сердце Волгина радостно забилось. Наконец-то настала минута, которую он ждал так долго!

Неожиданно нижняя часть купола раздвинулась и вошел Люций. Обычными для него легкими шагами он приблизился и сел на край постели. Серые глаза смотрели, как всегда, приветливо, но Волгин заметил в них тревогу. Он хорошо изучил лицо своего врача и сразу понял, что тот сильно обеспокоен.

Люций пытливо, с пристальным вниманием смотрел на Волгина. Потом улыбнулся и дотронулся до его руки.

— Как вы себя чувствуете? — начал он с вопроса, который задавал каждый день и который задавали все врачи с незапамятных времен, приходя к пациенту.

— Как мне понимать всю эту перемену? — спросил Волгин.

— Она означает, что ваше лечение закончено. Вы можете встать и выйти отсюда. С сегодняшнего дня вы начнете принимать обычную пищу и через несколько дней, привыкнув к ней, сможете выйти из-под наблюдения врача. Вы теперь здоровый человек, Дмитрий.

— Этим я обязан вам, Люций. Вы спасли меня от верной смерти, к которой я был приговорен парижскими врачами. Я не знаю, кто вы такой, но надеюсь узнать... со временем.

— Это время наступило. Вы можете узнать все, что пожелаете. Но своим выздоровлением вы обязаны не мне одному. Много людей работало, чтобы поднять вас на ноги. Все человечество гордится этой замечательной победой науки. Но мы не знаем, как отнесетесь вы сами к тому, что с вами сделали. Этот вопрос давно беспокоит и тревожит всех. Если вы обвините нас, то я должен наперед сознаться в том, что главная вина лежит на мне.

Волгин не верил своим ушам. Многое мог сказать вы- здоровевшему пациенту его врач, но только не то, что сказал Люций. Вместо объяснений, которых с таким нетерпением ожидал Волгин, новые, еще более непонятные загадки.

— Люций! — сказал Волгин. — Я очень устал от непрерывных загадок. Где я нахожусь? Кто вы такой? Почему вся Земля интересуется мной? Что, наконец, со мной произошло? И почему излечение человека от смертельной болезни вы назвали виной?

— Я не хочу играть с вами, Дмитрий! Тем более мучить вас. Я пришел только для того, чтобы объяснить вам все, прежде чем вы покинете это помещение. Но объяснить это не так просто, поверьте мне. Потом вы поймете! Я сказал, что главная вина лежит на мне. Лично я не согласен с этим, но очень многие упрекают меня за то, что я сделал с вами...

Изумление Волгина было так велико, что он даже забыл обо всех мучивших его вопросах. Он видел, что его собеседник едва сдерживает волнение. На серьезном лице Люция застыла какая-то неестественная, напряженная улыбка. И Волгин внезапно почувствовал, что вот сейчас, сию минуту услышит нечто такое, чего не слышал никогда ни один человек в мире. Он внутренне сжался, приготовившись.

— Вы, Дмитрий, — продолжал Люций все тем же, словно скованным, голосом, — стали жертвой ненасытного научного любопытства. Это доказывает, что даже века не в силах изменить человека, сделать его более благоразумным, когда дело коснется жажды познания.

Он вскочил и быстро прошелся по павильону, к двери и обратно. Волгин видел, как сильно сжимал он пальцы рук и как трудно дышала его широкая грудь. Волнение Люция передалось и ему.

— Объяснитесь яснее, — сказал он. — Мне кажется, вам не в чем упрекать свою совесть. Вы вернули мне здоровье. И я вам очень благодарен. Будьте же решительнее, Люций!

— Вы мне благодарны? — Люций опять сел на постель к Волгину. — Это потому, что вы ничего не знаете. Но будете ли вы так же благодарны, когда узнаете все?

— Думаю, что да. Вы боитесь сказать, что я нахожусь далеко от родины и что с момента, когда я потерял сознание, прошло очень много времени. Но я это знаю. Пусть даже прошло много десятилетий, это меня не испугает.

Люций грустно улыбнулся.

— Пусть даже прошло много десятилетий, — повторил за Волгиным Люций. — Но, — он замолчал, тяжело перевел дыхание и быстро, точно боясь, что у него не хватит силы докончить, сказал: — Что вы скажете, если прошло не много десятилетий, а много столетий?

Волгин вздрогнул. Выражение страдания, появившееся на лице Люция, показалось ему зловещим. Как молния, мелькнуло в его мозгу воспоминание о всех необъяснимых загадках, которые он тщетно старался понять.

Нет, ЭТОГО он не мог ожидать!

— Что вы сказали? — прошептал Волгин.

— Правду, — обычным своим голосом ответил Люций. Казалось, что, высказав, наконец, истину, он сразу успокоился. — Вы действительно... проснулись не только в другом веке, но и в другой исторической эпохе.

Волгин закрыл глаза.

Его разум не то чтобы отказывался верить тому, что он услышал, но не мог сразу воспринять сказанного. Это было слишком невероятно. Но все же Волгин ни на секунду не подумал, что Люций его обманывает. В сущности, он давно подозревал что-либо подобное. Наблюдения за окружающим подготовили его к удару, и он поразил Волгина не столь сильно, как, по-видимому, опасался того Люций.

— Какой сейчас год?

Ответа не последовало. Волгин открыл глаза.

Совсем близко он видел красивую, благородную голову, высокий лоб под густыми и темными волосами. Брови Люция были сдвинуты, и он пристально смотрел прямо перед собой. Волгин с совсем иным, чем прежде, чувством окинул взглядом всю мощную фигуру своего врача. Он точно увидел его впервые.

Так вот почему они не похожи на обычных людей! Это не люди двадцатого века, как он думал. Это люди новой исторической эпохи.

— Какой сейчас год? — повторил Волгин.

Темные глаза Волгина смотрели на Люция спокойно и прямо. В этих глазах не заметно было особого волнения. Тонкие губы были плотно сжаты.

При виде радостного изумления, которое отразилось на лице Люция, Волгин улыбнулся.

— Вы думали, что я потеряю сознание от ваших слов или со мной случится истерика, — сказал он. — Вы не знаете людей нашего поколения. Я перенес в своей жизни много ударов, но они меня не сломили.

Люций схватил его руки и сжал их.

— Вы удивительный человек! — взволнованно сказал он. — Я бесконечно рад, что вы такой. Меня предупреждали... мне говорили... я опасался самых тяжелых последствий...

— Люди, которые вам это говорили, — сказал Волгин, — очевидно, не привыкли к тяжелым испытаниям. А мы жили в трудную эпоху и научились противостоять им. Говорите же, наконец, какой сейчас год?

— На этот вопрос, — ответил Люций, — нельзя ответить прямо. Если я назову вам цифру, она вам ничего не скажет и вы все-таки не будете знать правды. Вы меня так обрадовали, Дмитрий, что мне стало совсем легко исполнять свою обязанность. Когда вы родились? — неожиданно спросил он.

— В тысяча девятьсот четырнадцатом году, — ответил Волгин.

— В тысяча девятьсот четырнадцатом году старой эры?

— Не слышал о такой эре. Но все равно! Я родился, если вам так угодно, в тысяча девятьсот четырнадцатом году после рождения Христа. Вы задаете странные вопросы, — прибавил Волгин, — вместо того чтобы ответить на мой вопрос.

Казалось, Люций не слышал слов Волгина. Он смотрел на него взглядом, в котором были восторг и недоверие.

— За три года до Великой революции! — тихо сказал он. — Этого не может быть!

— Но тем не менее это безусловный факт, — сказал Волгин. — Это так же верно, как то, что меня зовут Дмитрием Волгиным.

— Я знаю, что вы Дмитрий Волгин и родились за много веков до нашего времени. Но поймите! Современному человеку трудно... психологически трудно поверить, что он видит перед собой одного из легендарных Героев Советского Союза. Значит, вы родились за три года до начала коммунистической эры?

— Коммунистической эры?..

— Да, старое ваше летосчисление теперь считают только до тысяча девятьсот семнадцатого года. После Великой революции начинается эпоха, называемая коммунистической эрой.

Волгин перевел дыхание и, стараясь говорить как можно спокойнее, спросил:

— И как долго продолжалась коммунистическая эра?

— Ровно тысячу лет, — ответил Люций. — Потом начался новый счет годам, который продолжается и теперь.

Волгин понял, что еще немного и он потеряет сознание от волнения. Он судорожно сжал плечи Люция.

— И сейчас у вас год?..

— Восемьсот шестидесятый!

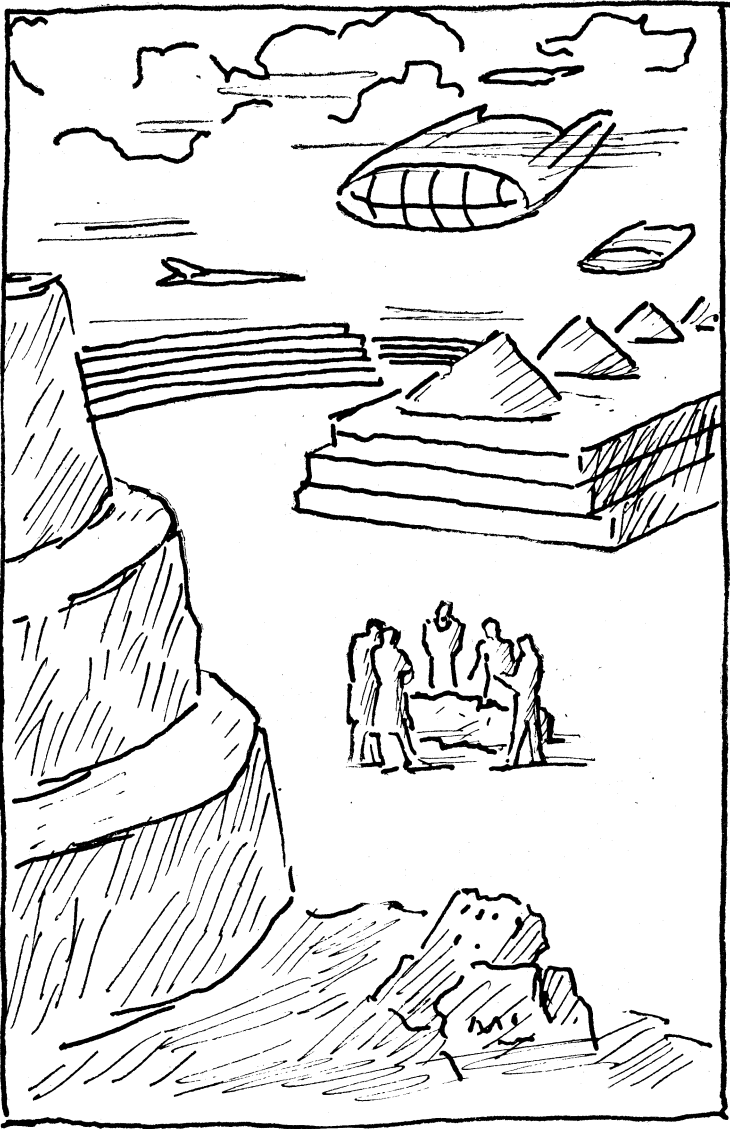
Волгин откинулся на подушку.

«Это сон или бред, — подумал он. — Этого не может быть в действительности». Но всем существом он чувствовал и понимал, что Люций сказал ему правду.

Бессознательное состояние Волгина продолжалось почти две тысячи лет!

— Люций! — сказал он. — Тут что-то не так. Человек не может жить столько ни при каких условиях. Это противоречит законам природы!

— Вы правы, Дмитрий! Человек, безусловно, не может жить тысячу девятьсот лет. — Люций пристально посмотрел в глаза Волгину и, взяв его руки в свои, закончил: — Но вы и не были живы, Дмитрий. Вы были мертвы все это время.

За десять лет до описанных выше событий небольшой оранжево-красный аппарат быстро и бесшумно летел над землей, направляясь на северо-восток.

Под его гладким удлиненным корпусом, не имевшим ни крыльев, ни каких-либо внешних движущих частей, стремительно проносилась поверхность земли, сливаясь для глаз пилота в сверкающие под лучами солнца полосы, на которых трудно было различить подробности.

Впереди показалась широкая водная равнина, и через полминуты машина была уже над открытым морем.

Человек, сидящий в машине, посмотрел на часы.

И вдруг машина замедлила скорость. Пилот ни до чего не дотрагивался, он сидел в той же позе, откинувшись на спинку мягкого сиденья. Перед ним находился только маленький, изящно оформленный щиток с двумя миниатюрными циферблатами. Ничего, что обычно называют органами управления, в кабине не было: ни штурвала, ни педалей, ни каких-либо рукояток. А машина продолжала все больше и больше замедлять скорость, не снижая высоты, пока не повисла над морем почти неподвижно. Пилот отодвинул боковое стекло и подставил лицо ворвавшемуся ветру.

Пилот казался человеком уже преклонных лет. Его густые, коротко остриженные волосы были совсем седыми. Высокий мощный лоб избороздили морщины. Но, несмотря на возраст, человек выглядел крепким и здоровым. Серые глаза, не утратившие блеска, смотрели ясно и твердо.

Он был одет в легкий белый костюм. Рубашка с короткими рукавами оставляла обнаженными руки, гладкие и сильные, как у юноши.

Несколько минут человек дышал чистым морским воздухом, потом задвинул стекло. Машина полетела с прежней скоростью, повернув на восток.

В момент поворота какая-то крупная птица едва не столкнулась с нею. При большой скорости такое столкновение было бы небезопасным, но с поразительной легкостью аппарат скользнул в сторону, быстро перевернулся и избежал встречи. Любой летчик-истребитель двадцатого века мог бы позавидовать точности этого великолепного маневра.

И снова пилот ни до чего не дотронулся, не сделал ни одного движения. Казалось, что где-то рядом с ним находится человек, который, оставаясь невидимым, управляет полетом.

Пилот сидел в удобном кресле, расположенном в середине корпуса аппарата. Вся передняя часть машины была прозрачна, что давало очень широкий кругозор. Задняя часть постепенно суживалась, кончаясь относительно небольшим стреловидным стабилизатором. Длина машины

достигала четырех метров при ширине не более восьмидесяти сантиметров в средней части.

Далеко на горизонте появилась полоска берега, и вот уже машина снова летит над зеленой панорамой земли.

Пилот вынул из кармана небольшую плоскую коробочку, открыл крышку и нажал несколько кнопок. В кабине послышался слабый шорох. Потом чей-то голос прозвучал громко и отчетливо:

— Люций слушает.

— Я где-то близко от вас, — сказал пилот. — Дайте направление. Мой индекс 1637-М-2.

— Даем, — ответил голос. — Настраивайся на номер 33, индекс 8889-Л.

Пилот наклонился к щитку и переставил маленькую стрелку на одном из циферблатов. Почти тотчас же в центре прибора вспыхнула крохотная синяя точка.

— Лечу правильно! — сказал пилот. — Не выключайте!

Прошло несколько минут, и вдруг синяя точка превратилась в красную. Пилот стал всматриваться в местность. Машина на малой скорости летела по кругу. Вскоре он заметил большую поляну, а на ней двух человек, махавших ему платками.

Машина неподвижно повисла в воздухе на высоте около двухсот метров, потом, как на невидимом парашюте, вертикально опустилась на землю.

У самого кресла боковая стенка откинулась, давая выход, как только пилот сделал движение приподняться.

Ожидавшие люди подбежали к пилоту, радостно его приветствуя. Он протянул к ним обе руки.

— Здравствуйте, друзья! Я опоздал на две минуты. Извините меня! Я останавливался в пути, чтобы подышать свежим морским воздухом. Ну покажись, Люций! — прибавил он, притягивая к себе одного из встречающих. — Мы давно не виделись. Как поживает Мэри?

— Все в порядке, отец! — ответил Люций. — Твоя внучка скучает по тебе и очень хочет с тобой встретиться.

Рядом с Люцием стоял высокий молодой человек, худощавый, с бронзовым от загара лицом. Несмотря на жаркий день, на нем был синий комбинезон с длинными рукавами, застегнутый наглухо. Почтительно поклонившись старику, он с видимым уважением пожал его сильную руку.

— Меня зовут Владилен, — сказал он удивительно ясным и чистым голосом. — Я очень рад познакомиться с вами. Очень рад видеть великого ученого Мунция.

Старик улыбнулся.

— Где же вы так сильно загорели, Владилен?

— Совсем недавно он прилетел с Венеры, — ответил за товарища Люций.

— Тогда понятно. Я был на этой планете, Владилен. Очень давно, более ста сорока лет тому назад, но я хорошо помню, что за короткое время загорел так же, как вы. Там нельзя не загореть — ведь мы разогнали вечные облака над планетой.

— Да, я с трудом закончил на Венере свою работу. Удивляюсь, как некоторые могут жить там годами.

— А что вас привело сюда?

— Я изучаю метеориты, — ответил Владилен. — Три недели назад здесь упал большой аэролит. Я хочу найти его, но пока что мне это не удалось. По-видимому, он глубоко ушел в землю...

— Вы работаете один?

— Нет, с тремя товарищами. Но они здесь не живут, а только прилетают помогать мне.

— А почему вы сами поселились здесь, в столь уединенном месте?

— Мне так нравится, — просто ответил Владилен.

— Они искали аэролит, — сказал Люций, — а пока что нашли, как мне кажется, более интересный предмет. Ради этого мы и решили вызвать тебя, отец.

— Знаю. Меня заинтересовало ваше сообщение.

Они подошли к опушке леса. Во многих местах земля была сильно разрыта. На краю одной из глубоких ям стояла громадная землекопательная машина-автомат. Невдалеке от этой машины под сенью густых деревьев была раскинута просторная палатка, рядом с которой на земле стояли два таких же воздушных аппарата, как тот, на котором прилетел Мунций.

Владилен откинул полог палатки.

— Войдите! — сказал он. — Располагайтесь, как вам удобнее, и отдыхайте. У отца с сыном всегда найдется, о чем поговорить. Я вас оставлю на короткое время.

Он подошел к одному из воздушных аппаратов. Боковая стенка, служившая дверцей, откинулась, как только он приблизился, и быстро захлопнулась за ним. Машина плавно поднялась и вскоре исчезла за вершинами деревьев.

Отец и сын проводили ее глазами.

В палатке было прохладно и очень чисто. Пол, сплошь покрытый рыхлой тканью, приятно пах смолой. Аккуратно застланная койка, стол и несколько стульев, сделанных как будто из слоновой кости, составляли всю обстановку.

На столе стоял громадный букет живых цветов.

— Это откуда? — удивился Мунций. — Я вижу тут цветы оранжерейные, а не лесные.

— Мэри очень заботится о Владилене, — ответил Люций. — Это она украшает его жилище.

Мунций ласково улыбнулся.

— Узнаю внучку, — сказал он. — Она неразлучна с цветами с раннего детства. А молодой девушке естественно заботиться о юноше, живущем так одиноко. Но почему Владилен не поселился у тебя? До твоего дома не очень далеко?

— Совсем близко. Около ста километров. Две минуты полета. Я предлагал ему, но он отказался.

Люций достал из погребца, стоявшего в углу палатки, корзинку с бисквитами, два стакана и термос.

— Расскажи-ка мне всю историю сначала, — попросил Мунций.

Люций разлил по стаканам горячий напиток и начал свой рассказ:

— Это случилось три недели тому назад. Однажды я проработал в своей домашней лаборатории всю ночь. Часов в пять утра я вышел подышать свежим воздухом, прежде чем лечь спать. Было уже совсем светло, но солнце еще не всходило. Внезапно я услышал слабый свист, раздавшийся как будто сверху. Не успел я даже подумать, что это может быть, как звук усилился, приближаясь с каждым мгновением, и прямо над моей головой пролетел раскаленный болид. На мгновение болид озарил весь сад зеленоватым светом и скрылся за горизонтом. Я успел точно заметить направление его полета. Я знаю, как редки подобные явления и какую ценность для науки представляют собой эти небесные гости. Кроме того, я вспомнил, что болиды иногда вызывали лесные пожары. Короче говоря, я сразу кинулся к своему аэрлету, сел в него и с максимальной скоростью направился в ту сторону, где скрылся болид. По дороге я услышал глухой удар, за ним еще несколько — более слабых. Километрах в ста от дома я заметил огонь. Значит, болид действительно поджег лес. Я опустился на этой самой поляне. При падении метеорит свалил несколько деревьев и поджег кустарник. Огонь был не сильный, и мне удалось легко справиться с ним. Самого камня нигде не было видно. Он погрузился в песчаную почву поляны. Удивительно, что он не взорвался при ударе о землю. Это обстоятельство очень интересует Владилена. В то же утро я сообщил обо всем в астрономический институт. Оказалось, что, кроме меня, болид видели еще несколько человек, но никто не заметил направление его полета. Спустя несколько дней ко мне явился Владилен с целой комиссией астрономов. Я рассказал им все, что видел, и указал место падения болида. Они решили разыскать его. Владилен пользуется для поисков видеоскопом номер тридцать, но и это не помогает, хотя трудно предположить, что метеорит мог погрузиться на глубину больше тридцати метров. С помощью этого прибора Владилен обнаружил множество камней, отрыл их, но все они оказались земного происхождения. Три дня тому назад, перейдя на новое место, он нашел группу камней на глубине всего пяти метров. Когда они были извлечены на поверхность, Владилен сразу понял, что это не просто камни, а ценная археологическая находка. Он сообщил о ней мне.

— Почему он решил, что камни не простые? — спросил Мунций, с интересом слушавший рассказ сына.

— Потому, что это куски мрамора, которого нет в здешних краях, а главное — потому, что ясно видны следы обработки. Это остатки какого-то древнего монумента. Если хочешь — пойдем, и ты сам увидишь.

Люций направился к западной окраине поляны. Там, возле одной из ям, совсем свежей, лежало несколько больших камней и много меньших размеров.

— Вот! — сказал Люций. — Здесь восемнадцать кусков мрамора одного цвета. Когда-то он был белым, но сильно потемнел от времени. По-видимому, эти камни большой древности. Мы с Владиленом мало смыслим в археологии, и потому я вызвал тебя. Самое интересное — это то, что на некоторых камнях виднеются следы надписи.

Мунций увидел, что разбитые куски лежали на земле не как попало, а в каком-то порядке. Видимо, их пытались сложить, пригоняя друг к другу.

Мунций вынул из кармана складную лупу и пристально осмотрел каждый камень. Некоторые из них он переставил, другие с помощью Люция перевернул.

— Надпись достаточно хорошо сохранилась.

Люций с сомнением посмотрел на мраморные куски. Он видел на них что-то напоминающее буквы, но даже не представлял себе, как подобный след надписи можно прочесть.

Прошел час. Мунций на коленях ползал около камней, не отрываясь от лупы. В некоторых местах он зачищал мрамор острием ножа. При этом он произносил отдельные слова и фразы, явно не заботясь, слушает его кто-нибудь или нет. С помощью линейки он принялся измерять на камнях расстояния между одному ему понятными точками.

— Ты знаешь, — обратился он к Люцию, — хоронить людей в земле прекратили более тысячи семисот лет назад. Я определяю возраст этих камней в две тысячи лет...

— Как жаль, что нет самого трупа...

— Да, конечно! Но труп давно уже исчез бесследно. Может быть, можно найти остатки черепа и крупных костей.

— Это не то!

— Понимаю, но то, чего хочется вам, биологам, вы никогда не найдете. Вернемся к нашей теме. Для археолога самое важное в подобных случаях — это определить язык, на котором была сделана надпись. В былые времена существовало много различных языков, и это обстоятельство затрудняет расшифровку. Так как эта местность расположена на территории, где жили русские, то мы вправе предположить, что и надпись сделана на старом русском языке. И это действительно так и есть. Ты еще помнишь его?

— Плохо, но помню, — ответил Люций. — Твои уроки не пропали даром. Странно, что они пригодились.

— В надписи три строчки. Первая буква первой строчки сохранилась. Это большое «Г». За нею идут две буквы меньшего размера — «е» и «р». Получается начало слова — «Гер...». Затем идет большой пропуск и опять три буквы рядом: «ю», «з», «а» — «юза». Судя по величине букв и длине всей строчки, можно сделать вывод, что в промежутке могло быть еще шестнадцать букв. Но одного слова такой длины не существовало. Значит, сюда входят и проме-

жутки между словами. Очень смутно на местах четырнадцатой и пятнадцатой букв можно различить несколько линий, дающих основание думать, что здесь могли быть буквы «о» и «г», расположенные рядом. Учитывая это, можно сказать, что первая строчка это — «Герой Советского Союза». Ты, конечно, знаешь, что это звание присваивалось людям в первые века коммунистической эры за особо выдающиеся подвиги. Перейдем ко второй строчке. В ней, как видишь, сохранились только четыре буквы, и они находятся не рядом. Кроме того, невозможно определить длину строчки и место, которое она занимала относительно первой. Все, что мы можем сказать, это то, что строчка именно вторая, а не третья. И это очень важно. Видишь, большое «И», потом маленькие «н», «в» и «а». Если первая строчка прочитана нами правильно, а я в этом не сомневаюсь, то это может быть именем и отчеством героя. Ни того, ни другого мы прочитать не можем. Большое «И» дает некоторое основание считать, что героя звали Иван — имя очень распространенное как две тысячи лет назад, так и сейчас. Перейдем к третьей строчке. Тут-то и ждет нас самое интересное и важное. Строчка была написана большими и, заметь, одинаковыми буквами. Три буквы рядом — «В», «О», «Л», затем промежуток величиной в три интервала и буква «Ы». Получается «ВОЛ...Ы». Но, на наше счастье, безусловный факт, что от буквы «В» третьей строчки до буквы «Г» первой строки и от буквы «Ы» третьей до буквы «а» первой одинаковое расстояние.

Мунций произнес последние слова с нескрываемым торжеством.

— О чем же это говорит? — спросил Люций.

— Дает нам ключ к решению загадки: это фамилия! Ты знаешь, что такое фамилия?

— Да, помню, — ответил Люций и улыбнулся. Он хорошо знал привычку отца разговаривать со всеми, как с учениками.

— Но, — продолжал Мунций, — эта фамилия написана во множественном числе, что доказывается буквой «Ы» на конце. А отсюда следует, что надо читать не «Герой Советского Союза», а «Герои». Два Героя с одинаковой фамилией. Вряд ли их было три. Вероятно, это братья. Если мы зададимся вопросом, когда могло так случиться, что два брата одновременно получили звания Героев и были похоронены вместе, то придем к выводу, что легче всего это могло произойти на войне. Я переберу архивные материалы и, может быть, найду историю подвига. Вы сообщили кому-нибудь об этой находке?

— Пока нет. Я хотел, чтобы ты первый увидел эти камни.

— Их надо перевезти в археологический институт и тщательно изучить с помощью оптических средств. Только тогда можно будет окончательно сказать, что надпись прочитана правильно.

В восемьсот пятидесятом году новой эры на одном из первых мест, по своему значению, стояла старинная наука, роль которой человечество поняло и оценило еще в первом веке коммунистической эры, — биология.

На протяжении почти двух тысяч лет бесчисленные поколения ученых пытались исчерпать до дна «науку жизни», поставить самую могучую силу природы целиком на службу человеку. Много раз казалось — «дно» уже видно! Но мнимый конец опять превращался в начало. Биология оказалась неисчерпаемой, как неисчерпаем был атом...

Академик Люций был одним из выдающихся биологов своего времени. Ученик и последователь знаменитого ученого семисотых годов, он, как и его великий учитель, больше интересовался не жизнью, а ее оборотной стороной — смертью, полагая, что чем дальше проникнет человечество в тайны смерти, тем скорее оно добьется своей цели — продления жизни до ее естественного предела.

Средняя продолжительность жизни человека новой эры — двести лет — казалась ученым восемьсот пятидесятого года до обидного малой.

Люций, как и его коллеги, был убежден, что наука находится на пороге «великого скачка» и что совсем близко (по масштабам науки, разумеется) то время, когда цифра «двести» сменится желанной цифрой «триста».

«А что будет дальше? — нередко спрашивал себя Люций. — Разве наука остановится на этом? Мы считаем, что триста лет жизни — это предел для человеческого организма. Так считали и две тысячи лет тому назад. Но так ли это на самом деле? Может быть, способность к обмену веществ многоклеточного организма беспредельна? Может быть, пройдет немного времени, и цифра «триста», к которой мы стремимся, будет отброшена и заменена другой?»

Много подобных вопросов вставало перед ученым. Люций умел и любил работать. Сын ученого, он с детства был приучен к настойчивости и систематическому труду. В мире науки он забывал обо всем, и годы проходили незаметно, когда новая интересная задача вставала перед ним.

Люций был еще молод. По понятиям людей восемьсот пятидесятого года девяносто — сто тридцать лет были порой зрелости, а отнюдь не пожилым возрастом. А Люцию исполнилось восемьдесят. И он был уже академиком, а знает, и членом Верховного совета науки.

Никто еще не произнес в связи с его именем слова «бессмертный», но Мунций, уже позабывший, когда сам был избран в академики, понимал, что имя его сына рано или поздно будет выбито на стене Пантеона — величайшая честь для человека этой эпохи. Люций незаметно для себя становился во главе биологов всей земли. Уже многие признанные ученые называли его «Учитель».

Когда Мунций улетел, чтобы в стенах археологического института тщательно изучить куски мрамора и заняться розысками материалов о Героях с фамилией «Вол...ы»,

Люций вернулся к прерванной работе. Но забытья, выбросить из головы все, кроме изучаемого вопроса, на этот раз никак не удавалось. Он все время помнил о памятнике и ожидал известий от отца.

Наконец Мунций вызвал сына к гравикофу. Но ничего интересного Люций от него не узнал. Мунций сообщил, что работа продвигается медленно, так как оказалась значительно трудней, чем предполагалось вначале. Бурная эпоха зарождения коммунистической эры оставила после себя необозримое море архивных материалов. Найти среди этого изобилия нужный документ было не просто, несмотря на идеальный порядок, в котором документы содержались.

Поиски недостающих кусков мраморного памятника не увенчались успехом. Под поляной и в ближайших районах леса их не было. Надежда узнать имена и отчества Героев, что значительно облегчило бы розыски, рухнула. Предстояло и дальше искать почти вслепую.

Прошел месяц.

И вот как-то утром Мунций сообщил, что прилетит в середине дня. И не один, а с врачом Ио.

Люций не обратил внимания на имя, названное отцом.

— Документы нашлись? — спросил он.

Не отвечая, Мунций задал встречный вопрос:

— Где Владилен?

— Он еще здесь.

— Попроси его прилететь к тебе. Его помощь может понадобиться. Мы будем скоро, ждите нас!

И Мунций выключил гравикоф, так и не удовлетворив любопытства сына. Но Люций понял, что его отец находится в отличном расположении духа. Это говорило о том, что им достигнут какой-то результат.

Владилен прилетел сразу, как только узнал о предстоящем прибытии Мунция.

— Меня очень интересует история этого памятника, — сказал он, здороваясь с Люцием. — А вы не знаете, зачем я могу понадобиться?

— Не имею ни малейшего представления. Мой отец иногда любит задавать загадки.

— А кто такой Ио?

— Какой-то врач. Вероятно, знакомый отца, который, как и вы, Владилен, интересуется находкой.

— Вы его знаете?

— По-видимому, нет. Я знаю, и знаю очень хорошо, друтого Ио. Но тот так известен, что и вы не можете не знать его.

— Вы говорите об академике Ио?

— Да.

— А это не может быть он?

— Конечно, нет. Исторические памятники не интересуют академика Ио.

— А вот академик Люция они интересуют, — заметил Владилен. — И это очень хорошо. Нельзя замыкаться в рамки одной науки, не правда ли?

Люций промолчал.

Немного погодя на площадку перед верандой дома опустился арелет бледно-голубого цвета. Аппарат был двухместный, и из него вышли — Мунций и за ним очень высокий худощавый человек с седыми волосами.

Люций вздрогнул, увидев его.

— Академик Ио! — сказал он удивленно. — Что это значит? Зачем он здесь?

— Выходит, он более любопытен, чем вы думаете, — тихо сказал Владилен, направляясь вслед за хозяином дома навстречу прилетевшим.

Люций с сомнением покачал головой.

Академик Ио рассеянно пожал руки Люцию и Владилену и отрывисто бросил:

— Рад видеть!

«Все тот же, — подумал Люций. — Нисколько не изменился».

Люций предложил прибывшим устроиться на веранде или пройти в зал. Гости предпочли веранду.

Когда все уселись за круглый стол, Люций приготовился терпеливо ждать рассказа и объяснений. Он хорошо знал, что Мунция торопить бесполезно. Владилен не осмеливался первым задать вопрос людям, которые были значительно старше его. Но Ио не имел намерения ждать.

— Говорите, Мунций! — сказал он. — Время идет. Надо приступать к поискам.

— Если дело идет о поисках недостающих кусков мрамора, то их нет в земле. Теперь я могу поручиться за это, — сказал Владилен.

— Жаль, конечно! — ответил ему Мунций. — Но сейчас нас интересует другое. Так вот, Люций, — продолжал он, обращаясь к сыну, — я, конечно, ошибся. Но ошибка оказалась не столь уж значительной. Я думал, что под мраморным памятником были похоронены два брата-героя. Оказалось, что не два брата, а муж и жена. Дмитрий Волгин и Ирина Волгина.

— Ирина Волгина! — воскликнул Люций. — Как странно! Каждый раз, бывая в шестьдесят четвертой лаборатории академии, я вижу ее бюст, установленный в вестибюле. Ведь Ирина Волгина была врачом.

— Значит, муж Ирины тоже был Героем Советского Союза? — удивился Владилен.

— Да. Именно из-за него я и явился к вам, — ответил Ио.

Люций и Владилен посмотрели на него с удивлением и любопытством.

— Сейчас поймете, — сказал Мунций. — Я продолжаю. Под мраморным памятником были похоронены сперва Ирина, а затем Дмитрий Волгины. Они умерли в разное время. Могила находилась в центре парка одного небольшого городка. Этот городок был снесен в середине седьмого века коммунистической эры и на его месте посажен лес, который растет здесь и поныне. Памятник остался в густом лесу, постепенно о нем забыли. Вероятно, считали, что он снят. Ирина погибла во время войны, и ее похоронили

в обычном для того времени деревянном гробу. Разумеется, от нее не осталось ровно ничего. Но не так получилось с Дмитрием Волгиным. Он умер в Париже — столице бывшей Франции. Его тело было положено в свинцовый гроб и отправлено на родину. Мужа похоронили рядом с женой. Тогда и появилась на памятнике надпись, которая ввела нас в заблуждение. Так вот. Под памятником было два гроба. Один деревянный, другой свинцовый, наглухо запаянный...

Люций вскочил.

— Понял! — вскричал он, перебивая Мунция. — Теперь я знаю, о каких мечтах вы говорили, Ио. Надо попытаться найти этот свинцовый гроб.

— Вот именно! — Ио в первый раз улыбнулся. — Найти непременно, так как он никуда не мог исчезнуть. Свинец не дерево. И если гроб был хорошо запаян, а тело не вскрыто...

Сильно возбужденный Люций вторично перебил ученого.

— Ваше мнение, Владилен? — спросил он.

— Могу только сказать, что поблизости от поляны никакого гроба нет, — уверенно ответил молодой ученый.

— Завтра придут два геолога, — сообщил Мунций. — Ведь ясно, что гроб перенесен на другое место силой подземных вод или, возможно, сдвигами почвы. Придется затратить много труда, но поискать стоит. Такого счастливого случая может больше не представиться.

На следующий день начались поиски.

Проходили недели, но гроб Дмитрия Волгина не находился. Многие теряли веру и улетали. На их место по зову Люция и Ио появлялись другие. И вот пришел успех.

В трех километрах от места, где были найдены обломки памятника, на глубине двадцати метров обнаружили длинный, похожий на громадный камень предмет. Извлеченный на поверхность земли, «камень» оказался свинцовым гробом, со всех сторон обросшим известковыми наслоениями.

Казалось бы, бесспорная удача.

Но ученые всегда осторожны в выводах.

К этому времени сотрудники археологического института подняли из архивов старые карты города У... и его окрестностей. И оказалось, что находка сделана как раз на том месте, где до третьего века коммунистической эры находилось городское кладбище.

Кто же лежал в найденном гробу?

Был ли это Дмитрий Волгин, или нашли другого неизвестного человека, похороненного также в свинцовом, а не в обычном деревянном гробу? Для Люция и Ио самым главным было получить более или менее сохранившийся труп человека, умершего около двух тысяч лет назад.

Но не так смотрел на это моральный закон эпохи. Извлеченное из могилы тело человека после обследования его учеными-биологами надо было сжечь, похоронить вторично. Какое же имя назвать при погребальной церемонии?

— Надо продолжать поиски, — решил Мунций. — Вести их до тех пор, пока мы или найдем второй свинцовый гроб,

или убедимся, что такового нет и, следовательно, найденный является гробом Дмитрия Волгина.

И поиски продолжались с прежним усердием. Ими остались руководить Мунций и Владилен. А Люций и Ио улетели, увозя с собой найденный гроб.

Известковые наслоения, которые стали за долгие века крепче камня, осторожно и тщательно удалили. В ярком свете лабораторного зала тускло блеснула свинцовая поверхность, и людям показалось, что гроб совсем новый, изготовленный на днях, а не две тысячи лет тому назад.

С помощью мощной оптики осмотрели запаянный шов. Он был сплошным и не имел ни одного изъяна.

— Кажется, удача! — взволнованно прошептал кто-то из ученых, находившихся в лаборатории.

Всем казалось, что гроб слишком мал. Никто из современных взрослых людей не мог бы в нем поместиться. Но они знали, что две тысячи лет назад люди были меньше, чем люди девятого века новой эры.

— Там труп взрослого человека, — уверенно сказал Люций, руководивший работой. — Вскрывают шов!

И вот четыре человека подняли и поставили в стороне крышку гроба.

Почти черного цвета, сморщенная и высохшая кожа лица и кистей рук трупа плотно прилегала к костям, но была совершенно целой. Остальное скрывало полустлевшее покрывало когда-то белого цвета.

— Закрывать! — приказал Люций.

Прозрачный куполообразный футляр опустился на гроб, плотно войдя в пазы подставки. Зашипел вакуумный насос.

— Не знаю почему, — сказал Люций, — но мне кажется, что это, несомненно, Дмитрий Волгин.

4

Вторая биохимическая лаборатория академии стояла среди обширного сада. Громадное здание из белого материала, увенчанное стеклянным куполом молочного цвета, как снежная вершина, возвышалось над зеленым морем деревьев.

В глубине сада были разбросаны небольшие домики, такие же белые, как лаборатория. Некоторые из них были также увенчаны маленькими куполами. Эти домики как бы прятались от глаз в густой зелени.

Сад занимал несколько квадратных километров.

Юг и север, восток и запад были представлены здесь самыми красивыми или полезными видами растительного мира. Воздух, напоенный ароматом цветов и пряным запахом тропических фруктов, был так чист и прозрачен, что казался совершенно лишенным пыли.

По одной из дорожек, покрытой мелкой, хорошо утрамбованной морской галькой, шли двое людей. Оба высокого роста, хорошо сложенные. Их движения, гибкие и точные, напоминали движения гимнастов.

Мужчина в обычном для этого времени костюме — рубашке без рукавов и коротких брюках, был Владилен.

Его спутницей была молодая девушка, одетая в темно-красное короткое платье, сильно открытое сзади, а спереди закрывавшее грудь до самой шеи. Голые ноги девушки отливали золотистым загаром. Ступни ног, обутые в туфельки вишневого цвета, казались очень маленькими в сравнении с ее ростом. Волосы, собранные и закрепленные у темени, свободно падали на спину и плечи. Девушка была светлой блондинкой и, несмотря на женственную тонкость черт, очень похожа лицом на Люция.

Она оживленно рассказывала, а Владилен, наклонившись слегка в ее сторону, внимательно слушал.

— В конце концов, — говорила она, — ему разрешили и этот опыт. Возражений было много, но отец с помощью своего единомышленника Ио сумел убедить противников. Люций считает, что, если произведен один опыт, нет оснований отказываться от следующего. Я люблю и уважаю отца, но в данном случае не могу с ним согласиться.

— Вот как? Это почему же? Установить: умерли ли клетки организма навсегда, или они способны снова ожить, — это имеет колоссальное значение для науки.

— Мне кажется некрасивым новый опыт. Первый не требовал вскрытия тела и потому имел характер простого наблюдения. Это одно. А теперь... Нельзя забывать, что отец имеет дело не с животным, а с человеком, пусть и мертвым. Какое право имеют отец, Ио или любой другой ученый производить над телом свои опыты?

Владилен задумался на минуту.

— Мне кажется, — сказал он, — что вы слишком горячитесь. Ваш отец рассуждает вполне логично...

— Нельзя глумиться над мертвым! — воскликнула Мэри. — Они собираются вынуть мозг. Потом возьмутся за сердце. — Она содрогнулась. — Это уж слишком. Все должно иметь границы! Хотя со своей точки зрения вы и мой отец правы. Недаром же в конце концов все были вынуждены согласиться, и тело Дмитрия Волгина — я совершенно уверена, что это именно он, — находится сейчас в этом здании. Здесь над ним вот уже три года работают все или почти все выдающиеся ученые под руководством старого Ио и моего отца.

— Вы видели тело? — спросил Владилен.

Мэри поморщилась.

— Не видела, — сказала она. — Я ни разу его не видела. И не увижу. Смотрите на это как на женский каприз, но мне неприятен «великий опыт», как его называют. В нем есть что-то мрачное и невыразимо тягостное. А я люблю цветы и солнце. Я люблю жизнь и никогда не войду в лабораторию отца, пока там находится мертвое тело. Так что идите туда один. Кстати, мы уже пришли, и дверь перед вами. Я думаю, что вы найдете отца на втором этаже, прямо против лестницы. Он знает о том, что вы прилетели, и будет рад увидеть такого же энтузиаста, как он сам.

Она кивнула головой. Светлые волосы рассыпались по ее плечам, и Мэри легким движением руки отбросила их за спину.

— Скажите отцу, что я жду вас обоих к завтраку ровно через два часа.

Она повернулась и пошла обратно по дорожке сада. Владилен смотрел ей вслед, он ждал, что Мэри почувствует его пристальный взгляд и обернется. Но она не обернулась.

Владилен вошел в здание и поднялся на второй этаж.

Мэри была права. Владилен сразу увидел Люция сквозь стеклянную дверь. Академик сидел за столом и писал. Он казался всецело погруженным в работу, и Владилену стало жаль прерывать его. Он решил ждать, пока Люций освободится, но тот, словно почувствовав присутствие гостя, поднял голову. Через несколько секунд они крепко пожимали друг другу руки.

— Я рад, что вы, наконец, вспомнили о вашем обещании. Почему так долго не показывались?

— Был очень занят, — ответил Владилен.

— Ну, а как метеорит? Нашли вы его?

— Нашел. Он оказался солнечным, а не космическим... Я прилетел сюда, чтобы повидаться с вами.

— И я вас скоро не отпущу, — сказал Люций. — Я совсем переселился сюда и за все три этих года ни разу никуда не вылетал. Со мной живет Мэри.

— Я видел ее. А где ваш отец?

— У себя. Он покинул нас два года тому назад. Мы с ним немного не ладили. И с тех пор не виделись.

— Ваша дочь мне кое-что рассказала. Кроме того, я внимательно следил за всей полемикой, которая поднялась в связи с вашими предложениями. Должен сказать, что я целиком согласен с вами, хотя, конечно, мое мнение ничего не может значить. Как идет дело?

— Очень хорошо, — ответил Люций, и его глаза блеснули. — Гораздо лучше, чем мы могли даже желать. Вы видели тело три года тому назад. Пойдемте, я покажу вам его теперь. Предупреждаю, вы будете поражены.

— Я уверен в этом, — улыбаясь, ответил Владилен. — Ведь вы очень скупо сообщаете о своей работе.

— Так надо, — ответил Люций. — И то чрезмерный интерес к ней вредно отражается на ее же перспективах.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — сказал Владилен. — Но думаю, что вы добьетесь всего, что вам нужно.

— Спасибо, — сказал Люций.

Они поднялись в открытом лифте на самый верхний этаж гигантского здания и вошли в лабораторный зал, расположенный под куполом.

Обстановка лаборатории — шкафы с приборами и аппаратами, столы и даже скамьи и кресла — была сплошь из стекла, что придавало всему какой-то призрачный вид. Влетающий пол отражал все, что на нем находилось.

Несколько человек в белых халатах что-то делали у столов; один из них пошел к Люцию навстречу.

— Раствор меняли? — спросил Люций.

— Конечно, но Ио велел усилить концентрацию владилена на пять процентов.

— Хорошо! — сказал Люций.

Он взял Владилена под руку и подвел его к предмету, стоявшему на самой середине зала.

Это был большой стеклянный ящик, установленный на стеклянных ножках. Он был закрыт со всех сторон и наполнен прозрачной, слегка розоватой жидкостью.

В ящике, не касаясь дна, неподвижно висело человеческое тело, целиком погруженное в жидкость.

Снизу, сверху и со всех четырех сторон на него были направлены широкие раструбы металлических рефлекторов. От них протянулись гибкие, аккуратно уложенные трубки, уходившие сквозь пол куда-то вниз. Рефлекторы и стеклянный ящик окружал красный шнур.

— За этот шнур проходить нельзя, — сказал Люций. — Попадете в зону действия излучателей, а они очень сильны, и их излучение вредно для нормальных клеток. Но вам и отсюда должно быть хорошо видно.

Владилен подошел вплотную к шнуру и, охваченный естественным волнением, принялся внимательно рассматривать неподвижное тело. Чем дольше он смотрел, тем более волновался. Люций был прав — зрелище не могло не поразить воображение.

Владилен хорошо помнил, как три года тому назад по приглашению Люция вместе с Мунцием он прилетал в лабораторию, чтобы взглянуть на труп, пролежавший в гробу почти две тысячи лет. Он видел тогда почерневшую от времени, сухую и сморщенную мумию. И вот теперь тот же самый труп снова находится перед глазами Владилена.

Тот ли?..

Против воли закрадывается сомнение: не обманывает ли его Люций, не хочет ли подшутить над ним, выдавая недавно умершего человека за ТОГО? Куда делись чернота пересохшей кожи и общий «каменный» облик мумии? Так выглядят люди через несколько дней после смерти. Желто-восковая кожа кажется даже розоватой из-за цвета жидкости. Волосы не прилипают больше к черепу, они «всплыли», и не надо никакого прикосновения к ним, видно и так — они мягки и шелковисты.

— Волшебство какое-то! — Владилен встряхнул головой, точно все еще не убежденный в том, что это зрелище он видит наяву, а не во сне. — В чем дело, Люций? Что тут произошло?

Люций улыбнулся.

— Понимаете ли, ожили клетки кожи, и отсюда огромная внешняя перемена.

Владилен схватил его руку.

— Значит, вы добились цели? — спросил он.

Люций покачал головой.

— Нет, — ответил он. — О том, что сейчас происходит с телом, мы знали раньше, чем начали работу над ним.

Это повторение старых опытов, только в большем масштабе — в смысле времени. Клетки наружного кожного покрова легко впадают в состояние глубокого анабиоза и сравнительно быстро выходят из него. Нами доказано, что даже две тысячи лет недостаточный срок для того, чтобы клетки умерли окончательно, то есть потеряли способность к обмену веществ. Вот и все. Это еще не так много.

— Вы прекрасно знаете, что это не так, — раздался за ними чей-то голос.

Люций и Владилен обернулись. Возле них стоял Ио.

— Рад видеть! — сказал он, протягивая руку гостю. — Каким ветром вас занесло к нам? — И, не ожидая ответа, повернулся к своему товарищу. — Откуда такой пессимизм, Люций? Ожили не только клетки наружного кожного покрова. В чем дело?

Люций отвернулся.

— Я этого пока не вижу, — сказал он.

— Вы не верите показаниям приборов? В таком случае я не верю вам.

— Я хочу убедиться в этом собственными глазами.

— Кто же вам препятствует это сделать? — Ио пожал плечами. — Столкновение двух противоположных желаний. Вы знаете, Владилен, он запутался. С одной стороны, ему хочется продолжать опыт и заставить все клетки тела, как бы глубоко они ни находились, вернуться к жизни. С другой стороны, не терпится вскрыть тело и осмотреть, в каком состоянии внутренние органы. Одно исключает другое. Вот почему наш Люций в столь мрачном настроении.

Люций улыбнулся.

— Как будто сам Ио находится в другом положении, — сказал он.

— Я слышал, что вы добились согласия на анатомирование тела, — сказал Владилен.

— Да, конечно! — иронически ответил Люций. — Нам разрешили вынуть мозг. А если говорить по-настоящему, то надо вынуть все органы тела и работать над каждым из них в отдельности. Но тогда нечего будет хоронить.

— Я не медик и не биолог. Но если вам нужна рабочая сила, то располагайте мною, — сказал Владилен.

— Эх, молодость, молодость! — не то одобрительно, не то осуждая порыв Владилена, заметил Ио.

— Спасибо! — ответил Люций. — Если время вам позволяет, поработайте с нами. Дело всегда найдется.

— Мы вас переквалифицируем, — сказал Ио. — Из астронома вы станете биологом. Из макромира перейдете в микромир. Поверьте, он не менее интересен.

За завтраком в маленьком уютном домике, занимаемом Люцием и его дочерью, разговор все время вращался вокруг работы ученого. Любопытство Владилена было беспредельно. Ему хотелось узнать все сразу. Люций терпеливо отвечал на его вопросы.

— Что происходит с телом сейчас? — спрашивал Владилен.

— Сейчас, — рассказывал Люций, — как и все эти три года, идет процесс пробуждения умерших, а точнее — приостановивших свою деятельность, клеток организма. Эта деятельность у живых клеток выражается в размножении, делении, в обмене веществ с окружающей средой. Жидкость, которую вы видели, — особый питательный раствор, проникающий в поры, и сейчас он заполняет всю внутреннюю полость тела. Этот раствор, который мы систематически обогащаем, представляет собой идеальную среду для стимулирования жизненных процессов. Он называется «владиллин» и синтезирован триста лет тому назад великим биологом и химиком, которого, как и вас, звали Владиленом. Вы можете увидеть его бюст на первом этаже нашей лаборатории. Этот ученый всю жизнь работал над вопросами разложения тканей и оставил нам несколько десятков прямо-таки чудодейственных препаратов. Самым замечательным из них является препарат «В-64», я как-нибудь расскажу вам о нем. Кроме раствора, мы применяем еще излучение. Вы видели металлические рефлекторы вокруг тела?

— Да, конечно. Вы еще предупредили, что к ним нельзя подходить очень близко.

— Вот, вот! С помощью этих рефлекторов тело пронизывается излучением, заменяющим необходимую для восстановления жизни высокую температуру.

— А что это за излучение?

— Долго объяснять. Как-нибудь в другой раз. Согласны?

— Конечно, согласен. — Владилен засмеялся. — Я и так злоупотребляю вашим терпением.

— Нисколько. Так вот, излучение плюс раствор создают условия, при которых клетки должны ожить в том смысле, как я говорил, то есть начать обмен веществ, если в них сохранилась способность к этому.

— Но ведь они уже ожили, — с удивлением сказал Владилен. — Почему же вы говорите «должны»?

— Потому, что я все время думаю о тех клетках, которые находятся внутри тела. — Люций улыбнулся. — Вы видели его, так сказать, снаружи, внешне. А что происходит внутри? Ио считает, что клетки и внутренних органов также ожили. Показания приборов как будто подтверждают его мнение. Что-то происходит, но что? Никакой прибор не заменит глаза и скальпель.

— Что вы намерены делать в ближайшем будущем?

— Пока продолжать существующий режим. Но мы вынем из черепа мозг, а тело останется в растворе. По нашим расчетам, должен настать момент, когда все клетки тела вернутся к жизни.

— И тело будет живым?!

Люций пожал плечами.

— Что понимать под словом «живой»? — спросил он, точно ожидая ответа от собеседника. — Клетки тела, может быть отдельные ткани, будут живыми, но организм в целом, конечно, останется мертвым. Вообще для жизни многоклеточного организма характерно взаимодействие всех его частей, создаваемое работой мозга и нервной системы. Может быть, здесь проходит грань между «живым» и «мертвым»? Для нас, биологов, эта грань стала настолько неясной, что часто нельзя сказать, что перед нами — живое или мертвое. Для жизни организма, называемого «человек», жизни разумного существа требуется сознательная работа головного мозга. Это еще одна «грань». Может быть, принять за основу ее?

Люций замолчал и задумался. Владилен ждал продолжения, но, видя, что его собеседник как будто забыл о нем, решил задать следующий вопрос:

— А если тело вынуть из раствора?

— Начнется нормальный процесс разложения тканей. В теле Волгина, будем называть его этим именем, этот процесс был остановлен благодаря герметической оболочке, в которую его заключили, но он все же, видимо, происходил. Насколько глубоко он успел проникнуть, мы не знаем, но уверены, почти уверены, — поправился Люций, — что владелин должен ликвидировать последствия. В этом убеждает нас то, что не видно и не было видно никаких внешних признаков разложения. Но вполне возможно... с этим никак не хочет согласиться Ио, что эти признаки находятся внутри тела. Тогда у нас ничего не должно получиться. Приборы же... действительно... очень странно... — Люций замолчал, но через минуту заговорил снова обычным голосом и, как всегда, точно формулируя свои мысли: — Должен сказать, что с телом Волгина произошло что-то, чего мы никак не можем понять. Как бы быстро ни положили тело в гроб, как бы быстро ни запаяли этот гроб, разложение должно было оставить гораздо большие следы, чем это произошло в действительности. Ведь после того, как гроб был запаян, процесс разложения продолжался некоторое время за счет кислорода, находящегося в тканях тела. Не положили же Волгина в гроб живым! В чем тут дело? Можно подумать, что запаянный гроб подвергали сильному нагреву, и тело оказалось как бы в положении живой ткани, которая бесконечно долго сохраняется в консервной банке. Это очень благоприятное обстоятельство для нас, но как это могло произойти? Нельзя же допустить, что гроб действительно для чего-то нагревали. Мы запрашивали геологов — никаких процессов в недрах земли, при которых происходило

бы сильное выделение тепла, за все эти века в данном пункте не возникало. Значит, в земле гроб не мог нагреться.

— Может быть... пожар, — нерешительно заметил Владилен.

— Возможно. Но в конце концов это не так уж и важно. Налицо факт, что тело почти не затронуто разложением. И этот факт — основа всех наших планов.

— Вы не могли бы рассказать еще об этих планах?

— Вы уже кончили завтракать? — вместо ответа спросил Люций.

— Да, я сыт, спасибо! — ответил Владилен.

Он поклонился в сторону Мэри, которая все время слушала, не произнося ни слова. Молодой астроном заметил, что ее настроение, отличное в начале завтрака, испортилось после слов Люция о том, что на днях начнется работа над мозгом.

Мэри ответила кивком головы.

— Тогда пройдем в сад, — предложил Люций. Он посмотрел на дочь, подошел и поцеловал ее в лоб. — Каждая профессия, — сказал он, — имеет свои приятные и неприятные стороны.

Он вышел из комнаты. Владилен последовал за ним.

Спустившись по ступеням веранды, Люций подошел к скамье, стоявшей в тени мангового дерева.

— Я люблю это место, — сказал он, жестом предлагая Владилену сесть рядом с ним. — Здесь как-то особенно чист и приятен воздух. Вы хотите знать наши планы? Мы не делаем из них тайны. Но чтобы вы лучше поняли, мне придется начать издалека.

— Я готов слушать вас до утра, — сказал Владилен.

Несколько минут Люций молчал, точно собираясь с мыслями.

— Смерть... — задумчиво начал он. — Много загадок таит в себе это простое и всем знакомое слово. Внешне смерть проста. Это остановка деятельности сердца, которое прекращает подачу крови, а с нею и кислорода к клеткам тканей. Я говорю о смерти человека и других млекопитающих позвоночных животных. Не получая кислорода, клетки умирают, ткани начинают разлагаться. Вот и все. Видите, как просто. Проще быть не может. Но это только на первый взгляд. Вопрос в том... Впрочем, не будем отвлекаться. В медицине различают смерть клиническую и смерть биологическую. Первая — это еще не окончательная смерть. Она характеризуется только остановкой сердца. После нее возможно вернуть человеку жизнь. Первым, кому удалось это сделать, был профессор Неговский, живший в первом веке коммунистической эры. Профессор — это научное звание тех времен, — пояснил Люций. — В то время считали, что клиническую смерть отделяет от биологической, то есть окончательной, шесть минут, после которых происходят уже необратимые изменения в клетках головного мозга и центральной нервной системы. Профессору Неговскому удался опыт потому, что

он попал к умершему человеку через одну минуту после остановки сердца, то есть имел в своем распоряжении достаточно времени. Этот промежуток между клинической и биологической смертью называют с тех пор мнимой смертью. Вот здесь и таится бесчисленное количество загадок, над решением которых бьются поколения ученых вплоть до наших дней. Чем дальше проникала наука в тайны клетки, тем больше становился период мнимой смерти. Настойчивый труд биологов продлил его от шести минут до трех часов. Мы добились того, что в течение трех часов после остановки сердца человека можно вернуть к жизни. — В голосе Люция звучала гордость. — Но где находится предел мнимой смерти? Ведь не может же быть, чтобы таким пределом являлись три часа? Нет, он лежит гораздо дальше, но где?..

Люций посмотрел на Владилена так, словно только что вспомнил об его присутствии.

Читайте в следующем номере «Искателя» статью Н. Лысогорова «Через смерть — к жизни». Статья посвящена вопросам анабиоза.

— Извините! — сказал он. — Я уклонился в сторону. Это мой больной вопрос. Я сегодня немного рассеян, мне не дает покоя одна мысль. И самое интересное — это то, что я сам прекрасно сознаю, что мысль абсурдна. Волгин умер не три часа,

а почти две тысячи лет тому назад. Да, так вернемся к нашей теме. Я уже говорил вам о наших ближайших планах. А вот года через два, если все пойдет так, как мы предполагаем, тело можно будет вынуть из раствора.

— А как же процесс разложения?

— За это время артерии и вены, подобно коже и другим тканям, должны прийти в первоначальное состояние. Очистить их от старой, свернувшейся и засохшей крови мы сможем. Это будет нетрудно, если только сосуды станут достаточно эластичны. Тогда с помощью «искусственного сердца», или, попросту говоря, специального насоса, мы пустим по ним жидкость, заменяющую кровь, насыщая ее кислородом. Кстати сказать, эта жидкость известна очень давно, примерно с девятнадцатого века старой эры. Она называется, как и тогда, «Рингер-Локковской», но, конечно, сильно видоизменилась с тех пор.

Слушая Люция, Владилен все время пытался вспомнить мелькнувшую у него мысль. «Кажется, это было тогда, — думал он, — когда Люций говорил о мозге».

— Я не понимаю только одного, — сказал он, надеясь, что, вернув разговор назад, вспомнит. — Зачем вы хотите вынуть мозг? Ведь артерии и вены проникают и в него.

— Я понимаю вашу мысль, — одобительно сказал Люций. — Но это нам ничего не даст. Если мы вынем мозговое вещество, вернее — то, что от него осталось, то сможем воздействовать на него более сильными средства-

ми. Ведь мы не имеем надежды на то, что клетки мозга оживут, как остальные органы тела.

— Почему? — быстро спросил Владилен.

Он выпрямился, напряженно ожидая ответа. «Сейчас вспомню. Это как раз то самое!»

— Да потому, — ответил Люций, не замечая волнения своего собеседника, — что произошли необратимые изменения...

«Вспомнил!..»

— Мнимая смерть?

— Период мнимой смерти закончился тысячу девятьсот лет тому назад...

— Откуда вы это знаете? Откуда вы это знаете, Люций? Вы сами говорили, что с телом Волгина произошло что-то, чего вы никак не можете понять. Вполне возможно, что оно было законсервировано раньше, чем произошли необратимые изменения. Видимо, оно было законсервировано в первые же минуты его мнимой смерти.

Он внезапно смолк, пораженный выражением лица Люция. Академик смотрел на него странно остановившимися глазами. Потом схватил Владилена за руку.

— Идем! — сказал Люций почему-то шепотом. — Идем сейчас же к Ио. Это грандиозно и... безумно!

Он сжал голову руками, повторяя: «Безумно!.. Безумно!»

Глаза Люция блестели. Выражение торжества и какой-то глубокой радости было на его лице.

— Владилен! — сказал он. — Запомните эту минуту. Если бы вы только знали, какую мысль подали мне!

Он вдруг вскочил и побежал к лаборатории.

«Уж не сошел ли Люций с ума?» — подумал Владилен.

2

Эта мысль явилась внезапно, как откровение. Слова Владилена, которым он сам не придавал должного значения, пробудили в памяти фразу из книги другого Владилена — великого ученого шестого и седьмого веков.

— Я вам напомним, а может быть, вы и не читали ее. Владилен писал: «Свойства препарата «В-64» еще никому не известны до конца. Возможно, что они раскроются полностью только тогда, когда его применят к объекту, мнимая смерть которого кажется давно прошедшей». Разве это не поразительно, что никто из нас не вспомнил этого указания, прямо относящегося к нашей работе? Ни я, ни кто-либо другой не думал о «В-64» в таком аспекте...

— Разве? — перебил Люция Ио. — А когда вы работали над усовершенствованием этого препарата, разве вы не думали о его возможном применении? Не нужно ложной скромности, Люций. Все знают о вашей работе. Очень многие называют препарат «В-64» препаратом «ВЛ-64».

Люций поморщился и досадливо махнул рукой, словно отгоняя невидимое насекомое.

— Не в том дело, Ио, — ответил он. — То, что я сам работал над препаратом Владилена, и работал не один год, делает еще более странным мое упущение...

Люций был сильно взволнован. Он говорил, не переставая мерить широкими шагами огромную, увитую зеленью дикого винограда террасу в доме Мунция. Дом был расположен у самого моря на южном побережье бывшей Франции.

Его слушателями были четверо.

Один был сам Мунций, другой — старик с совершенно седыми волосами и пронзительным взглядом темных глаз под нависшими лохматыми бровями, третий — широкоплечий красивый блондин с почти черным от загара лицом, приблизительно одних лет с Люцием. Четвертым был Ио. Впервые идея, родившаяся в тишине их лаборатории, выносилась на открытый суд. Мнение людей, которые сейчас внимательно слушали Люция, могло сыграть решающую роль. Что они думали?

Старик был неподвижен. Мунций, хмуря брови, барабанил пальцами по ручке кресла («Он против нас», — думал Ио). Загорелый блондин, не скрывая восхищения, следил за словами Люция.

— Первоначальная наша задача вам известна, — продолжал Люций. — Мы задались целью проверить, могут ли клетки тела ожить после столь длительного пребывания в совершенно высохшем состоянии. Мы были уверены в возможности этого. Именно потому, что это имело громадное, чисто практическое значение, было решено, что это исследование надо проделать. Вы знаете также, что многие возражали, приводя такие доводы — вроде уважение к человеку и его личной воле. И вы знаете, что нам удалось доказать правоту наших взглядов. Не только клетки, но и ткани тела человека, умершего две тысячи лет тому назад, сейчас живут. Когда три года назад, после разговора с астрономом Владиленом, который, не будучи биологом, заметил то, что упрямо ускользало от нашего внимания, я высказал свою идею, мои товарищи сразу согласились со мной. Даже Ио! Не сердитесь, мой дорогой друг! Всем известно, что вас иногда трудно бывает убедить. Но и вы — согласились почти сразу. Весь наш коллектив стал сознательно направлять работу по новому пути. Идея увлекла всех. Вы знаете, в чем она заключалась. Воспользоваться ожившими артериями и венами и ввести в мозг препарат «ВЛ-64», оживить клетки мозга, не вынимая его из черепа...

Люций остановился у края балюстрады и стал рассеянно срывать листья винограда. На террасе наступило молчание, и только шум прибоя нарушал тишину. Люций, не оборачиваясь, снова заговорил:

— Осталось сделать последнее. Восстановить работу сердца, заставить работать мозг, вернуть дыхание. Превратить смерть в бессознательное состояние, глубокий сон. А затем... разбудить мертвого. Двести лет тому назад великий Владилен предлагал произвести такой опыт, но

у него не нашлось подходящего объекта. У нас не сохраняют тел умерших. Невероятный случай, редчайшая удача дали нам возможность сделать то, о чем мечтают поколения ученых. И вот говорят: «Довольно!» Но почему? «Из уважения к человеку», — отвечают нам. Слабый довод! Нам говорят: «Это жестоко и не нужно!» Но ведь были и будут смерти случайные, внезапные, преждевременные. Как же можно говорить, что опыт не нужен, если он избавит человека от угрозы ранней случайной смерти?

Люций повернулся к слушателям. По выражению их лиц он старался угадать, какое впечатление произвела его речь. С чувством досады он подумал о том, что не обладает даром красноречия.

Мунций встретил взгляд сына и сдвинул брови. Его пальцы сильнее и чаще забарабанили по ручке кресла.

— Ты, отец, — сказал Люций с горечью, — возглавляешь голоса тех, кто говорит нам: «Довольно!» Когда я предлагал первый опыт с оживлением клеток, ты и тогда был против меня.

Мунций вскинул гордую голову. Казалось, он ответит резко. Но он сдержал вспыхнувший гнев:

— Я говорил то, что думал. Я исходил из моральных и этических принципов. Большинство, к моему искреннему сожалению, приняло иную точку зрения. И тогда мы, оставшиеся в меньшинстве, также приняли ее. Поэтому незачем вспоминать то, что было. Ты считаешь меня врагом и ошибаешься. Я искренне рад твоему успеху. Но сейчас речь идет совсем о другом. Мне, да и не только мне, а очень многим, кажется жестоким и ненужным возвращать трупу жизнь. Распоряжаться собой может только сам человек или общество. Но в данном случае вы не можете получить согласие этого человека.

Пока он говорил, загорелый блондин нетерпеливо постукивал ногой. Когда Мунций замолчал и откинулся на спинку кресла, точно не желая слушать никаких возражений, этот человек сочувственно посмотрел на Люция и сказал резким голосом:

— Мунций считает этот опыт ненужным, жестоким и неэтичным. Я вас правильно понял?

— Да, правильно, — ответил Мунций.

— Почему же? Говорить о высоких принципах личной свободы очень красиво, но в данном, исключительном случае совершенно нелогично. В наше время не умирают в молодом возрасте. Значит, Люцию, Ио и их товарищам предстояло бы провести великий опыт оживления умершего с телом старика. Вот это действительно ненужный опыт и даже, если хотите, жестокий. Так что же — выхода нет? Конечно, это неверно — есть! И сам же Мунций подсказывает его! Вам, Люций, надо обратиться ко всему человечеству в лице Верховного совета науки. Пусть вся планета решит участь человека, лежащего в вашей лаборатории. Поскольку мой голос как члена совета может иметь вес, я обещаю отдать его вам.

— Спасибо, Иосиф! — взволнованно сказал Люций. — Я рад, что вы меня понимаете.

— Да, Люций. Разрешите мне ответить вашему отцу еще в одном пункте. Но предварительно я хочу задать вопрос: верите ли вы, Мунций, что человек, лежащий в лаборатории вашего сына, Дмитрий Волгин?

— Вполне возможно, — ответил Мунций, пожимая плечами. — Но какое это имеет отношение к спору?

— Имеет, и самое непосредственное. Вы сейчас убедитесь в этом. Вы говорили о согласии, о невозможности спросить мнение объекта опыта. Очевидно, вы не уверены в том, какое это было бы мнение. А вот я уверен в нем. Я помню опубликованные вами, Мунций, архивные материалы. Волгин умер в возрасте тридцати девяти лет. Мог ли хотеть смерти человек, проживший так мало? Я отвечаю: нет и еще раз нет! Природа должна была протестовать против такого преждевременного конца. Я совершенно уверен, что если бы мы могли спросить Волгина, то его согласие было бы дано.

Самый старый из собеседников, молча слушавший до сих пор, сказал ровным и тихим голосом:

— Я могу добавить к сказанному Иосифом еще следующее. Человек, о котором идет речь, умер в годы великой борьбы за переустройство мира. Он человек первого в мире социалистического государства, заложившего основы нашего мира. Поставим себя на его место. Он боролся за будущее, боролся самозабвенно, иначе он не был бы Героем. Но даже, если это не Дмитрий Волгин, то суть остается та же. Мог ли он не желать увидеть это будущее своими глазами?..

Мунций поднялся с кресла. Казалось, он хочет уйти с террасы, но доведя спора до конца. Ведь он остался в одиночестве, все присутствующие высказались против него. Но он сдержался.

— Я не принадлежу к числу упрямец, — сказал он, — и всегда готов сознаться в своей ошибке. Но пока мне не в чем сознаваться. Возможно, что я не прав, не знаю. Будущее покажет. Но я думаю о том страшном потрясении, которое испытает этот человек, если Ио и Люцию удастся успешно закончить опыт. Он очутится в чуждом ему мире, оторванным от всего, что было ему дорого, бездной времени. Все родственники умрут для него в один миг. Это тяжкое горе. Удовлетворение любопытства не перевесит трагического одиночества среди людей, которые не будут понимать его и которых он сам не поймет. — Мунций замолчал, но никто не возразил ему, он повернулся и быстрыми шагами ушел с террасы.

— Ваш отец, — сказал Иосиф, — заблуждается, но он делает это с большой искренностью. В предстоящих прениях Мунций будет для вас и для Ио очень опасным противником.

Люций ничего не ответил. Он стоял, опустив голову, в глубокой задумчивости и, казалось, даже не слышал слов Иосифа.

— Да, это так, — ответил за друга Ио.

Старик, в свою очередь, встал с кресла, собираясь уйти.

— Рассуждения Мунция, — сказал он, — кажутся мне не лишенными известного основания. Я советую вам подумать над тем, что было здесь сказано. Представьте себе, что Мунций окажется прав. Вернуть человека к жизни для страданий... нет, это немислимо!

— Почему вы предлагаете думать только им двоим? — Иосиф порывисто вскочил. — Вся Земля должна решить этот вопрос.

— Да, — сказал Ио, — не остается ничего другого, как обратиться в Верховный совет науки.

3

В день заседания величественный зал Верховного совета науки, техники и культуры, рассчитанный на шестьдесят тысяч человек, был заполнен до отказа.

Стало известно, что многие крупнейшие ученые собираются выступить, и, хотя увидеть и услышать их можно было, не выходя из дому, где бы он ни находился, всем почему-то хотелось увидеть и услышать их именно здесь.

Ио, вполне уверенный, что они поступают правильно, не сомневался в решении, которое будет вынесено. Он прибыл на заседание в прекрасном настроении.

Полной противоположностью ему был Люций.

Инициатор и автор идеи оживления испытывал странное раздвоение. Долгие разговоры с отцом в конце концов повлияли на него, и временами его охватывали угрызения совести. В нем проснулась жалость к существу, с которым он хотел произвести такой страшный опыт. Обдумывая в тишине лаборатории слова отца и его главного противника — Иосифа, он старался поставить себя на место человека, лежавшего перед ним на лабораторном столе. Часами всматривался он в неподвижные черты так хорошо знакомого лица и пытался найти ответ.

Случались моменты, когда Люций мечтал о том, чтобы Верховный совет науки высказался против и можно было бы перестать думать о последствиях воскрешения, но ум ученого тотчас же начинал протестовать против такого исхода.

Люций устал, переволновался и на заседание явился внутренне опустошенным и безразличным к любому решению, которое ему предстояло услышать.

По приглашению старейшего академика, прославленного медика, который председательствовал на этом заседании совета, Люций первым поднялся на высокую трибуну.

Многочисленные гравиофы, разбросанные по залу, показали всем его расстроенное и похудевшее лицо.

Стоя у подножия гигантской, пятидесятиметровой статуи Ленина, Люций видел перед собой необъятный простор исполинского зала. Задние ряды скрывались вдали в туманной дымке, пронизанной лучами солнца, свободно про-

ходившими через прозрачный потолок. Шестьдесят тысяч пар глаз смотрели на Люция.

Он обвел взглядом членов совета — величайших ученых Земли, которые собрались здесь, чтобы вынести ему свой приговор. Иосиф, встретив его взгляд, ободряюще улынулся. Отец же не смотрел на него. Мунций сидел, откинувшись на спинку кресла, с закрытыми глазами и, как обычно, неслышно барабанил пальцами по краю стола.

Все ожидали от него горячей речи и были удивлены его сдержанностью. Кратко и объективно Люций изложил историю работы над телом человека, извлеченного шесть лет тому назад из свинцового гроба, в котором оно пролежало почти две тысячи лет, более подробно остановился на состоянии, в котором это тело находится сейчас, и закончил свое выступление просьбой разрешить ему и его товарищам сделать попытку оживить этого человека.

Общий тон его речи был таков, что Ио только изумленно переглянулся с Иосифом и гневно пожал плечами. Казалось, что Люций из автора проекта превратился если не в противника его, то в человека, не знающего, чью сторону принять в споре.

Люций вернулся к своему месту. Горячая речь Ио, старавшегося рассеять впечатление от речи своего соратника, и блестящее выступление Иосифа не заставили его пошевелиться. Так же неподвижно он слушал и возражения. Он открыл глаза только тогда, когда было объявлено, что прения окончены и вопрос ставится на голосование.

В коротких словах председатель напомнил совету об огромной моральной ответственности и о долге человека бережно относиться к другому человеку.

— Мы слышали, — сказал он, — мнение обеих сторон. Сам инициатор идеи предпочел не высказывать своего мнения. Мы ценим проявленную им сдержанность. Очевидно, Люций не хотел влиять на совет силой своего авторитета. Итак, на одной чаше весов лежит научная победа, на другой — возможная трагедия для человеческого существа. Вопрос труден, и недаром все человечество так заинтересовалось им. Я верю в объективность и в жизненный опыт каждого из вас, они должны подсказать вам правильное решение.

Люций заметил, что его отец, выступавший в прениях, не поддал своего голоса. Мунций, казалось, внимательно следил за процедурой голосования, но сын видел по выражению его лица, что он думает о чем-то другом. Иногда он печально улыбался, и тогда Люцию хотелось, чтобы члены совета высказались против.

Наконец председатель обратился к Люцию и Ио. Им говорили слова, которых они так долго ждали, но в сердце Люция они не встречали отклика.

— Люций и вы, Ио, — говорил председатель. — Верховный совет науки, руководящийся своей совестью и благом человечества (это была обычная, введенная тысячу лет тому назад форма вступления), разрешает вам произвести этот опыт. С вас снимается моральная ответствен-

ность, которую берет на себя все человечество. Но на вас ложится другая, может быть более тяжелая, ответственность. Вы должны вернуть своему пациенту, иначе мы теперь не можем его называть, все физические и умственные силы или отказаться от опыта. Верховный совет науки и в его лице все человечество желают вам удачи.

Люций молчал. Видя, что он не собирается говорить, Ио ответил:

— Мы благодарны Верховному совету науки. Возложенная на нас ответственность тяжела, но мы убеждены, что доведем работу до успешного конца.

— Вы сняли с нас моральную ответственность, — неожиданно заговорил Люций, — но я сам не снимаю ее с себя. Я не согласен с высказанными здесь сомнениями и не верю, что последствия будут трагическими.

Он сам не знал, что побудило его сделать подобное заявление в столь неподходящий момент. Словно что-то прорвалось помимо его воли и вылилось в эти слова.

— Вы несколько поздно решили высказаться, — мягко заметил председатель совета. — Вопрос решен. Но я рад слышать, что вы уверены в успехе.

Люций опомнился. Краска смущения залила его лицо.

Он увидел, что отец сошел с возвышения, на котором помещался стол совета, и направился к нему. Люций ждал его со смутным чувством вины.

Мунций взял его под руку и увлек к выходу.

— Что с тобой происходит? — спросил он. — Можно подумать, что ты не рад полученному разрешению.

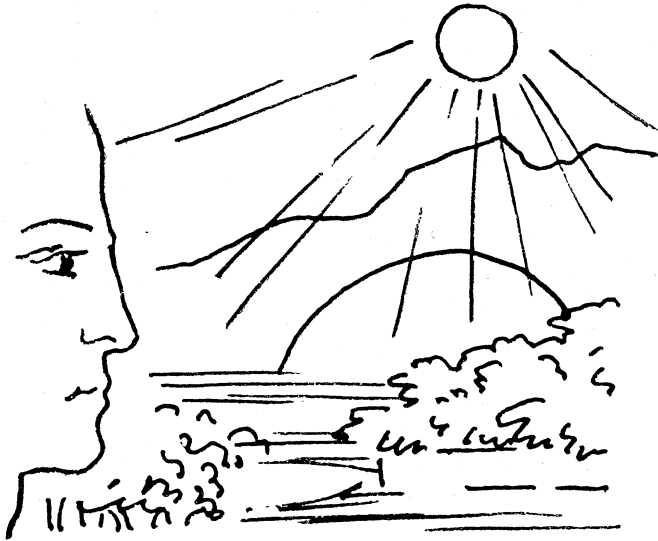
— Я сам не знаю, — ответил Люций. — Пожалуй, ты прав. Я действительно не рад, и было бы лучше, если бы нам отказали. Ты сам виноват в моем состоянии.

Мунций внимательно посмотрел на сына.

— Давай сядем! — сказал он, подходя к одному из диванов, стоявших вдоль стен вестибюля. — Выслушай меня. Кажется, я никогда не давал тебе плохих советов. Принятое решение уже не может быть отменено. Если это зло, то оно совершено, и надо думать только о том, как смягчить это зло. Когда вы закончите свой труд и поставите мертвого на ноги, на сцену явлюсь я. Я хорошо знаю старый русский язык, и весь уклад жизни того века мне знаком. Я подготовлю этого человека к нашей жизни. Когда он будет вполне здоров — а я повторяю, что не сомневаюсь в этом, — ты отвезешь его ко мне. Мой единственный дом на берегу моря подходящее место для этой цели. Ну, вот и все, что я хотел тебе сказать.

Он крепко пожал руку сыну. Его серые глаза смотрели на Люция ласково и ободряюще. Внезапно он обнял его и прижал к себе.

— Помни, что ты обязан добиться успеха. Тебе оказано большое доверие, и будь достоин его. Я хочу иметь право гордиться своим сыном...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Люций остановился у постели, на которой, все еще не одетый, сидел Волгин, и закончил свой рассказ взволнованно и горячо:

— Вот и вся ваша история, Дмитрий. Верховный совет науки поставил обязательным условием вернуть вам полностью все физические и умственные силы. Мы сделали это. Потребовалось четыре года очень тяжелого труда. Не раз нам казалось, что все усилия напрасны... И какую радость, ни с чем не сравнимую, доставили вы нам всем, когда приборы впервые показали возникновение мысли в вашем мозгу! Это случилось полтора года тому назад. Сообщение об этом потрясло весь мир. Это был день, венчающий весь наш труд, так как именно тогда вы стали по-настоящему живым человеком. Смерть была побеждена! С тех пор каждую неделю мы должны были давать подробное сообщение о вашем состоянии. Сколько тревоги и волнений пришлось испытать всему человечеству, когда ваша мысль после короткого периода пробуждения неожиданно опять засыпала! Вся Земля затаив дыхание ждала, вернется она или нет. Мы бесконечно счастливы, что вы, наконец, с нами.

В продолжение своего длинного рассказа Люций медленно ходил по огромному павильону. Он говорил не-

громко, но Волгин слышал каждое слово, так обострен был его слух.

— Я могу прибавить только одно, — сказал Люций. — Я хотел отвезти вас к моему отцу, как это было договорено между нами, и только там рассказать вам всю правду. Но удивительное мужество, с которым вы встретили мое сообщение о том, что вы были мертвы, заставило меня рассказать все сейчас. Это, конечно, гораздо лучше и избавляет вас от многих неожиданностей и бесплодных догадок, которые неизбежно возникли бы, когда вы вышли бы из этого помещения. Еще раз скажу — вы знаете все. Судите нас.

Волгин молчал.

Люций взглянул на него и поразился выражению лица Волгина. Он понял, что рассказ произвел совсем не то впечатление, которого ожидали он сам, Ио и Мунций. На этом лице, которое он так хорошо знал, до мельчайшей черточки, не было заметно волнения, отчаяния или горя. Оно было очень серьезно и чуточку грустно.

Прошло две-три минуты полного молчания.

Волгин думал о чем-то. Потом он поднял глаза на Люция, стоявшего у постели.

— Вы не обидитесь на меня, — сказал он, — если я попрошу вас сейчас уйти. Я должен остаться один. Мне нужно... как бы это сказать... ну, что ли, переварить ваш рассказ.

Люций молча направился к выходу.

— Подождите минуту, — сказал Волгин. — Я не хочу, чтобы вы мучились ненужными и ошибочными мыслями и опасениями. Насколько я понял, главный вопрос для вас лично заключается в том, что пробуждение, или воскрешение, может стать для меня трагическим по причине того, что все мои друзья и близкие люди умерли. Так вот я хочу вам сказать, что самый близкий для меня человек умер еще в той жизни... А теперь идите и вернитесь ко мне часа через три. И еще одна просьба. Я хотел бы, чтобы в это время за мной никто не наблюдал. Я знаю, что вы это как-то делаете. — И, словно угадав мысль Люция, Волгин добавил: — Вы найдете меня через три часа живым и здоровым, но способным более трезво говорить с вами.

Люций ушел. Волгин остался один.

В том настроении, в котором он сейчас находился, яркий свет был ему неприятен, и, точно подслушав его мысли, свет померк, и в павильоне наступил полусумрак.

Волгин не обратил на это никакого внимания. Он даже не заметил, что его желание было чудесным образом понято. Со вздохом удовлетворения он откинулся на подушку.

Он был совершенно уверен, что его просьба — не наблюдать за ним — будет свято исполнена. Впервые он находился в полном одиночестве, а это было как раз то, в чем он остро нуждался после всего, что услышал от Люция.

Мысли и воспоминания нахлынули на него, и, закрыв

глаза, Волгин погрузился в прошлое, стараясь найти в нем силы для странного и пока еще не совсем понятного настоящего.

2

Выйдя из павильона, Люций остановился у самой «двери».

Очень большое само по себе, куполообразное помещение целиком находилось в другом, еще большем помещении. Оно было заполнено бесчисленными машинами самого разнообразного вида. Вдоль стен и на потолке размещались концентрическими рядами аппараты, напоминавшие прожекторы. Их открытые «жерла» были направлены на стены павильона.

Прямо напротив «двери» огромный стенд искрился многочисленными разноцветными лампочками. Несколько разной величины и цвета экранов, множество движущихся за стеклами диаграмм и круглых дисков, по которым быстро скользили цветные стрелки, заполняли его до отказа.

Перед этим стендом в мягком глубоком кресле сидел Ио и внимательно смотрел на большой экран, на котором отчетливо виднелись внутренность павильона, постель и фигура Волгина, лежавшего на ней.

Люций быстро подошел к стенду и выключил экран.

— Дмитрий просил не наблюдать за ним в продолжение трех часов, — сказал он в ответ на недоуменный взгляд Ио. — Он хочет остаться совершенно один.

— А вы не опасаетесь?..

— Нет. Он понял, что у нас может возникнуть эта мысль, и сказал мне, что ничего с собой не сделает. К тому же я не мог бы не заметить, если бы Дмитрий только притворялся спокойным.

Оба молча смотрели на потухший экран.

В огромном здании стояла полная тишина, и только чуть слышный шорох в одном из приборов нарушал ее. Люций посмотрел на прибор и протянул к нему руку.

— Его сердце бьется совсем спокойно, — сказал он. — Но раз Дмитрий просил не наблюдать за ним, то и биение его сердца не надо видеть.

И лента прибора за тонким стеклом остановилась.

В первый раз за десять лет люди выпустили из поля зрения воскресенного ими человека.

Что делал он в одиночестве? Какие мысли и чувства владели им, вернувшимся к жизни из небытия?..

Прошел час. Но все так же неподвижно сидел в кресле Ио, устремив взгляд на белый прямоугольник погасшего экрана, и так же стоял возле него Люций.

Они не могли ни о чем говорить.

Исполнская задача, взятая ими на себя, была выполнена. Наука девятого века новой эры сделала то, что было некогда только мечтой, одержала победу над силами природы в ее самой недоступной и самой загадочной области. Отныне смерть будет послушно подчиняться чело-

веку. Из непонятого и жестокого врага она превращалась в друга, избавлявшего человека от жизни, когда естественный предел возраста делал эту жизнь ненужной и тягостной.

Они чувствовали и знали, что достигнутый ими успех является гранью истории, за которой остались долгие века, когда человек покорно склонял голову перед смертью.

«СМЕРТЬ ЕСТЬ ФАКТ, ПОДЛЕЖАЩИЙ ИЗУЧЕНИЮ», — не эти ли слова Максима Горького были путеводной звездой длинному ряду поколений ученых, настойчиво старавшихся раскрыть все ее тайны? Не их ли труды дали возможность Люцию и Ио победить смерть? Победа, одержанная ими, не была ли победой всей науки Земли на всем протяжении ее истории?

Время шло медленно и томительно для них. Они молчали все эти три часа, мучимые неопределенными опасениями, волнениями и тревожными мыслями. Они верили Волгину и все же невольно боялись.

3

— Ваш рассказ, Люций, я слушал с захватывающим интересом. Конечно, я и сейчас не понимаю, как вы смогли оживить меня через тысячу девятьсот лет после смерти, но, надеюсь, вы объясните мне это со временем, если, конечно, я смогу вас понять. В вашем мире, куда я так неожиданно попал, для меня все будет непонятно, и потребуются много времени для объяснений, если, повторяю, я вообще смогу что-либо понять...

Волгин говорил спокойным и ровным голосом. Черты его лица были невозмутимы, но Люцию казалось, что оно в чем-то неувлимо изменилось. словно печать времени легла на него, словно встретились они не через три часа, а после долголетней разлуки. Оно не постарело, не имело на себе следов слез, отчаяния или пережитых тяжелых раздумий. Станным спокойствием дышали ставшие неподвижными черты этого лица.

«Это пройдет», — с тяжестью в сердце думал Люций.

— Тысяча девятьсот лет — срок невероятно огромный. Наука и техника, быт и общественные отношения — все должно было уйти далеко вперед, и мне вряд ли удастся понять все до конца. Тем более что я не ученый, не инженер, не врач. Я юрист, и моя бывшая профессия вряд ли пригодится мне сейчас. Так что в этом отношении вам не повезло. Никакой пользы от меня ваши современники не получат. Мне придется изучить какое-нибудь простое дело. Вы просили меня «судить» вас. Я это понимаю так, что вы хотите знать — разрешил ли бы я вам воскресить меня или нет. Определенно ответить на такой вопрос мне трудно...

Конечно, очень интересна ваша новая жизнь. Кроме этого павильона, я еще ничего не видел. Но если бы даже впоследствии я пожалел о том, что «воскрес», то все же не стал бы «проклинать» вас, как это предсказывает ваш

отец. Я вижу, что люди переменялись за это время и смотрят на многое иначе, чем смотрели мы. Мы были трезвыми людьми, отнюдь не склонными к трагедиям и психологическим копаниям в душе. У нас на это просто не было времени. У вас иная психология, чем у людей моего поколения. Одно то, что моей судьбой занялся Верховный совет науки, говорит о многом. Возможно, что я не понимаю чего-нибудь, и это даже наверное так, но мне странно слышать, что все человечество взволновано тем, как я буду переживать свое возвращение к жизни. Может быть, когда я разберусь и привыкну к новым условиям жизни и новым отношениям между людьми, я пойму это. В конце концов ваш мир — это прямое следствие нашей борьбы и усилий, и я буду рад увидеть его и приветствовать ваших людей от имени их далеких предков. С помощью вас и ваших друзей, которые, я верю, являются и моими друзьями, я найду себе место в вашей жизни. Так что отбросьте все ваши сомнения. На мою долю выпала очень странная, необычайная судьба, и хотел бы я испытать ее или нет, не играет никакой роли. Вы вернули меня к жизни по решению всего человечества, так могу ли я, коммунист, протестовать против этого? Конечно, нет. Я горжусь, что послужил науке, и этого сознания мне достаточно. Конечно, мне тяжело, что все люди, которых я знал, все, к чему я привык, исчезло с лица Земли. Горечь этой разлуки я пережил только что и больше никогда не буду говорить о ней... Начну новую жизнь. В одном ваш отец прав: прежде чем войти в мир, мне хорошо будет провести у него некоторое время. Отвезите меня к нему, это удачная мысль. Я хочу прочесть книги по истории человечества за эти две тысячи лет и, насколько это возможно для меня, ознакомиться с достижениями науки и техники. И, разумеется, прежде всего надо изучить современный язык. Все это потребует немало времени.

— Я счастлив, что вы так просто смотрите на вещи, — сказал Люций. — На вашем месте я, вероятно, был бы потрясен сильнее.

— Это потому, что вы не привыкли к ударам жизни, — ответил Волгин. — Но вы ошибаетесь, если думаете, что меня не поразил ваш рассказ. Ваши слова меня глубоко взволновали, но за эти три часа я успокоился. Жизнь в мое время была суровой школой. Теперь, по-видимому, этого нет. Вам ничто не угрожает. Ничто не может изменить спокойного течения вашей жизни, я говорю о жизни человечества в целом, а не об отдельном человеке. Нужда, голод, болезни, войны, внезапные смерти — все, что веками терзало человечество, вам, вероятно, неизвестно.

— Вы правы и не правы, Дмитрий. Нам действительно не угрожает то, что вы сейчас назвали. Но борьба за овладение силами природы еще далеко не окончена. Развитие познания никогда не остановится. Мы знаем свои радости и горести. Мы люди.

— Я хочу выйти отсюда и увидеть ваш мир, — сказал Волгин. — Надеюсь, что этот разговор вас успокоил

и вы не будете больше терзать свою совесть. Десять лет своей жизни отдали вы, чтобы вернуть жизнь мне. Могут ли я не ценить этого? Я у вас в неоплатном долгу.

Он протянул руку Люцию, тот порывисто схватил ее.

— Спасибо вам, Дмитрий! — сказал он.

— А после моей смерти были на Земле войны?

Люций улыбнулся. Он с радостью увидел, что лицо Волгина несколько оживилось, утратив каменную неподвижность. Он ответил повеселевшим голосом:

— Вашим вопросам, Дмитрий, не будет конца. Так мы никогда не выйдем отсюда. Одевайтесь и покинем помещение, которое вам так сильно надоело. Вы все узнаете постепенно от людей, которые больше меня знают о том, что вас интересует. Любой ученый будет рад объяснить вам все, что вы пожелаете. Все человечество ждет вас с нетерпением. Вы самый известный человек на Земле!

Волгин невольно засмеялся. Слова Люция, к его удивлению, доставили ему что-то вроде удовольствия.

«Интересно, — подумал он, — сохранилось ли у людей чувство тщеславия? Если судить по тому, что у них исчезли из обихода фамилии, — вряд ли».

Он стал быстро одеваться. Случайно его взгляд остановился на ясно видимом шраме с левой стороны груди. Этот шрам, которого у него раньше не было, давно интересовал его, но на все вопросы о его происхождении Люций ни разу не захотел ответить.

— Может быть, сейчас, — спросил Волгин, — вы объясните мне, откуда у меня этот шрам?

— Это след операции, но он скоро совсем исчезнет. Полтора года вы лежали без сердца, над ним работал Ио.

Он сказал это спокойно, с таким выражением, как будто ничего особенного здесь не было, но Волгин почувствовал сильное волнение. Пропасть, отделявшая этот мир от его прежнего, раскрылась вдруг перед ним во всей своей необъятности.

Одевшись, Волгин посмотрел в зеркало, которое висело возле его постели. Он остался доволен своей внешностью. Свообразный костюм шел ему. Только борода, выросшая за это время и сильно изменявшая его лицо, была ему неприятна.

— Я не хотел бы выходить отсюда в таком виде, — сказал он. — Нет ли у вас бритвы?

Люций протянул ему какой-то предмет, ничем не напоминающий бритву. Это была ручка, сделанная как будто из пластмассы. На ее конце помещался маленький валик.

— Что это такое? — спросил Волгин, с интересом рассматривая совершенно незнакомую ему вещь.

— То, что вы просили, — ответил Люций. — Бритва.

Бритве по способу восемьсот шестидесятого года новой эры заняло не более полуминуты и очень понравилось Волгину. От прикосновения валика волосы исчезали, как по волшебству.

Закончив эту несложную операцию, он увидел себя в зеркало таким, каким привык видеть. Внимательным

взглядом Волгин осмотрел себя с головы до ног. Он попросил у Люция гребень и был даже слегка разочарован, получив самый обыкновенный привычный предмет.

— Я уж думал, что вы дадите мне опять что-нибудь необычайное, — улыбаясь, сказал он. — Боюсь, Люций, что меня ждет слишком большая перемена. Даже обыкновенная бритва вызывает у меня изумление. Что же будет дальше?

— Вы быстро привыкнете. Если вы готовы, то идем.

Волгин внезапно почувствовал, что его охватил страх. Что ждет его за этими стенами? Какой неведомый мир предстанет перед ним? Вместо того чтобы идти за Люцием, он сел на постель.

— Подождите немного, — сказал он. — Не знаю почему, но я боюсь выйти отсюда.

Люций положил руку ему на плечо.

— Это пройдет, — сказал он ласково. — Я понимаю ваше состояние. Но сейчас вас не ждет ничего необычного. Этот павильон был выстроен специально для вас, и место, где он находится, очень уединенно. Выйдя отсюда, вы увидите только сад и дом, в котором я сейчас живу. В них нет ничего примечательного. Из людей вы встретите Ио, которого знаете, мою дочь, и больше никого.

— Я вам очень благодарен, — сказал Волгин, — за все эти заботы обо мне. Но скажите, где находится это здание? В какой стране и части света?

— На острове Кипр, — ответил Люций.

— На Кипре? — удивился Волгин. — Но вы говорили, что я нахожусь в Советском Союзе?

— Тогда я не мог ответить иначе. Вас перевезли сюда три года назад. Раньше вы находились в нашей лаборатории, расположенной далеко отсюда.

— В каком месте?

— Там, где раньше находился город Малоярославец.

— Находился? Значит, сейчас его уже нет?

— Его не существует уже давно. Я узнал, как он назывался, предвидя ваш вопрос.

— А город У...? — спросил Волгин. — Он тоже не существует больше?

— Вы жили там?

— Там умерла моя жена, — ответил Волгин. — И там находилась ее могила.

Он опустил голову на руки и долго сидел так. Чувство тоски и страха нахлынуло на него. Города исчезли с лица Земли, а он, Волгин, живет вопреки всем законам природы, как будто не прошло бесконечно долгое время. И никакие достижения науки не вернут его в привычный любимый мир, утраченный навсегда.

Волгину внезапно захотелось вскочить и потребовать от Люция, чтобы он вернул его к прежнему состоянию спокойствия и беспмятства смерти, где нет и не будет воспоминаний о прошлом и тоски по нем. Но этот порыв мелькнул и погас. Он отнял руки от лица и встал.

— Я кажусь вам смешным, должно быть? — сказал он

с принужденной улыбкой. — Но, право, я не могу овладеть со своим волнением. Не так просто выйти к людям прямо из могилы...

Люций не улыбнулся этой вымученной шутке. Он сам волновался не меньше Волгина. С какой-то необычайной ясностью он понял, какой момент они сейчас переживают.

За годы своей работы над Волгиным Люций привык видеть в нем научный объект, но сейчас, пожалуй впервые, он увидел в нем такого же человека, как он сам. Одетый в современный костюм, с чисто выбритым лицом, Волгин показался Люцию совсем другим.

Подчиняясь влечению сердца, Люций стремительно подошел и обнял Волгина. И тот ответил на это объятие. Люди разных времен, они были дети одной Земли.

— Мне девяносто лет, — взволнованно сказал Люций. — Я дал тебе, Дмитрий, вторую жизнь. Позволь же мне считать тебя своим сыном.

— Мне было тридцать девять лет, когда я умер, — ответил Волгин. — И хотя я родился почти на две тысячи лет раньше тебя, ты имеешь право называться моим отцом. Если ты этого хочешь, то я с радостью соглашаюсь.

Люций вынул из кармана маленькую коробочку.

— По желанию всего человечества, — сказал он, — возвращаю награду, которая тебе принадлежала. Она была изъята из музея, чтобы вернуться к своему владельцу.

Он вынул из коробочки золотую звезду на потертой муаровой ленточке и прикрепил ее к костюму Волгина тем же жестом, каким сделал это давно умерший полководец на поле Великой Отечественной войны.

И так подействовал на Волгина вид хорошо знакомой звезды, каким-то чудом сохранившейся в течение веков, что он как-то сразу совсем успокоился.

— Идем! — сказал он. — Войдем в новый для меня мир.

— Постарайся полюбить его, — сказал Люций.

— Я его уже люблю. Это тот мир, к которому мы стремились, за который боролись и умирали.

Скрытая в стене дверь раздвинулась.

За ней стоял Ио, протягивая обе руки навстречу Волгину.

— От всей Земли, — сказал он, — приветствую ваш приход к нам.

Волгин обнял старого ученого.

Переход через зал, наполненный машинами и аппаратами, установленными только для того, чтобы вернуть ему жизнь и здоровье, прошел для Волгина незамеченным. Он ничего не видел. С непреодолимой силой его влекло вперед — выйти из-под крыши на простор мира.

И вот беззвучно раздвинулась другая дверь.

Горчей синевой резнуло по глазам воскресшего человека.

После перерыва в тысячу девятьсот лет Волгин увидел небо и сверкающий на нем диск солнца.